

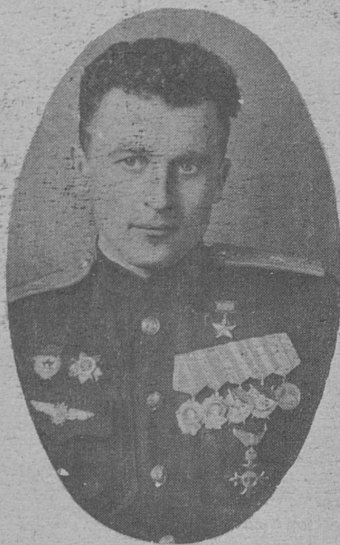

Наш корреспондент заснял лётчика-истребителя Алексея Губанова в тот день, когда он сбил 25-й немецкий самолёт. Эту разбитую вражескую машину вы видите в верхней части обложки. Лётчик Губанов улыбается — он доволен своей работой. Молодой москвич на фронте с первых дней войны. Он бил немцев под Сталинградом, на Кубани, на Украине, под Ленинградом. На груди Героя Советского Союза гвардии майора Алексея Губанова сверкают звезда Героя и семь орденов.

Фото специального корреспондента «Огонька» Б. Цейлина.

Фронт и тыл

Широкой известностью пользуется на Краснознамённой Балтике лётчик-истребитель Герой Советского Союза гвардии майор Василий Голубев. С начала войны он совершил более 550 боевых вылетов и лично сбил 39 немецких самолётов. Недавно Василию Голубеву был вручён орден «Британской империи» IV степени, которым наградили отважного лётчика король Великобритании Георг VI.

Мастер 2-го промысла треста «Кагановичнефть» Сари Гусейнов соревнуется с донецким шахтёром Степаном Рубаном. В первом квартале этого года Сари Гусейнов дал в фонд Главного Командования 6300 тонн сверхплановой нефти. На снимке: мастер Гусейнов читает своим товарищам по работе письмо, которое он посылает Степану Рубану.

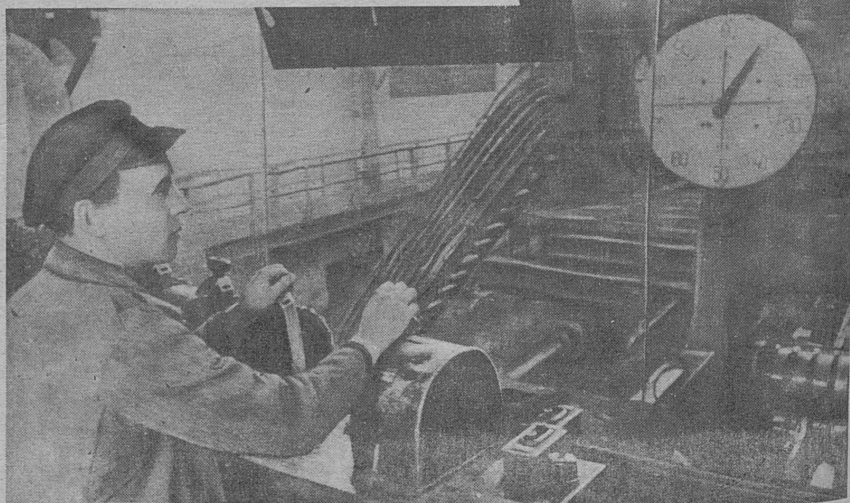
Кавалеры ордена Александра Невского. Слева: командир разведывательной роты старший лейтенант А. Н. Немцов; справа: майор Б. В. Репняков. В недавнем бою его подразделение выбило из укреплённых позиций и разгромило численно превосходящего противника.

Многие колхозы и совхозы Татарии, выполнив план сева, продолжают сеять для семей фронтовиков. На снимке: сев сверхплановых гектаров в совхозе Марийского бумажного комбината.

Старший сержант С. В. Леонтьевцев — башенный стрелок. Он сражается на 1-м Прибалтийском фронте, участвовал в 45 танковых атаках. Им сожжено 8 немецких танков, подавлено 23 огневых точки и уничтожено около роты гитлеровцев. Танкист Леонтьевцев награждён орденом Отечественной войны 1-й степени и двумя орденами Красной звезды. До войны тов. Леонтьевцев работал в типографии газеты «Ворошиловградская правда».

Вальцовщик блюминга И. А. Сомов работает на Кузнецком металлургическом комбинате имени Сталина. Он систематически перевыполняет нормы. Только за 10 дней он выдал сверх плана 1100 тонн проката. Вальцовщик Сомов награждён орденом Ленина.

На развалинах линии Маннергейма.

Фото Я. Рюмкина

Город в руинах. Немцы сожгли и взорвали большую часть домов Витебска.

В ОСВОБОЖДЕННОМ ВИТЕБСКЕ

Фото С. Гурарий и Я. Рюмкина

Витебск. Это был красивый, весёлый город, утопающий в зелени цветущих садов, широко раскинувшийся по крутым берегам Западной Двины. Немцы хозяйничали здесь более двух лет. Когда наши войска вступили в город, им открылась страшная картина: груды дымящихся развалин, взорванные дома, нагромождение камней, битого стекла. Ни одного жителя на улицах. Через несколько часов появляются первые жители, которых немцы не успели угнать. Трогательные сцены разыгрались на улицах. Женщины обнимали и целовали воинов Красной Армии, принесших им освобождение.

Этот мост немцы заминировали, но не успели взорвать его. За несколько минут до взрыва наши бойцы перебили немецкую охрану и затушили бикфордов шнур. По этому мосту советские войска переправились через реку.

По улицам ведут пленных фрицев. На снимке слева: жители Витебска встречают своих освободителей — бойцов и командиров Красной Армии.

Михась Лыньков

Из повести «Смерть за смерть»

Рисунок А. Житомирского

Из молодого ельника на краю леса был виден город. До него оставалось километра три — четыре. Запылённое, усталое лицо девушки осветилось улыбкой, и взволнованная, потрясённая вновь разбуженной в ней надеждой, она бросилась к Игнату.

— Ты только погляди, ты посмотри: это же наш родной город... Оттуда всего десять километров до нашего села... Через каких-нибудь три — четыре часа будем дома, сестру твою с детьми доставим... Боже, как будет хорошо им!.. Столько нагребались за эту дорогу...

Она говорила и озабоченно поглядывала на Стасю, кормившую под деревом ребёнка, на маленького Василька, которого так утомила эта мучительная дорога, что он, как лёг, уткнув голову в мягкую, пушистую кочку, так и не шевелился, поджав ноги к самому подбородку. И только глазёнки, живые, неутомимые, печально блуждали в прозрачной голубизне неба, где проносились изредка стайки стремительных самолётов. Откуда-то глухо доносились взрывы, гул орудий. Всё это переместилось за последние пять дней почему-то вперёд, на восток. Василёк думал о самолётах, он даже спросил:

— Скажи, Игнат, отчего это бомбы так гудят, когда падают?

Игнат, занятый своими мыслями, не ответил, и Василёк обернулся к Наде:

— Почему самолёты должны непременно бросать бомбы?

— А что им делать? Это же немецкие...

— Ну, и пусть... — разочарованно, недовольно проговорил Василёк и задумался. — А лучше бы вот, чтобы наши... Взяли бы, да и повезли бы нас: и тебя, и меня, и мамку с братьями, ну... и Игната... Повезли далеко, далеко, туда, где папа теперь... У меня очень, очень ноги болят.

Василёк даже поморщился от боли, так ныли ноги, сбитые о пенёчки, об узловатые корни деревьев на лесных тропинках, исколотые сосновыми шишками, сухим папоротником.

— Вот я возьму и останусь здесь. Мне здесь хорошо. С вами я не пойду...

— Глупенький ты, — наклонилась к нему Надя. — Скоро дома будешь у своего деда... Отсюда уже недалеко... Вот отдохнём немного, пойдём в город, а там и до деда близко. А он, брат, мёдом тебя накормит...

— А бомбы там не будут бросать?

— А куда там бросать? У нас, брат, тихо-тихо... Никакого тебе грохота. Хатки у нас небольшие, какая польза тому немцу бросать бомбы в такие хаты... Однако, Игнат, не пора ли нам дальше двигаться, чтобы к вечеру домой... Так пойдём, в город!

— Куда в город? — сердито огрызнулся Игнат. — Ты погляди, что на шоссе делается. А в городе?

По шоссе, которое проходило недалеко, густой колонной тянулись автомашины, двигалась артиллерия. Обгоняя колонны, спешили машины с огромными понтонами. И везде — на машинах, на броневиках — отчётливо видны были чужие знаки.

— Немцы... — побелевшими губами прошептала Надя и инстинктивно попятилась назад, в ельник. Она взглянула ещё раз на город, её лицо потемнело, заострилось.

Клубы чёрного дыма поднимались над окраиной, а сквозь дым пробивались жёлтые языки пламени. Казалось даже сюда, к самому лесу, долетал гул огромного пожара, возникшего за какую-нибудь минуту. Гремела, не смолкала, артиллерийская канонада, и слышно было, как где-то недалеко, возле самого города, завязывалась бешеная ружейная перестрелка.

— Поспешим! Пойдём лесом к реке... переправившись, а там обойдём город... — Игнат помог Васильку встать на ноги. — Держись, держись, брат, ты

же мужчина, Василёк... Ты же храбрый...

— Но ведь ноги болят, — поморщился мальчик и, прихрамывая, двинулся за взрослыми.

Выйти, однако, к реке не удалось. Когда они переходили небольшую лесную дорогу, их и ещё многих других людей задержал конный развед. Грозно окликнув их, немцы показали на дорогу, ведущую в город. Они выгнали из леса всех, кто ещё скрывался в нём, либо шёл, ничего не подозревая об опасности. Дорога была песчаная, развороченная танками. Идти Васильку было очень тяжело, ноги вязли в песке, но он тужился изо всех сил, не отставал и, искося поглядывая на хмурые покрытые пылью лица конных немцев, прижимался к Игнату, крепко держась за его руку. Надя помогала его маме нести ребёнка; ведь мама была очень слабая, больная. Ей, может быть, было ещё тяжелее, чем Васильку; она время от времени оглядывалась, окликала его:

— Где ты, мой мальчик? Гляди не отстань.

Василёк через силу улыбался, и улыбка его была жалкой, вялой.

— Ты иди, мама, мне с Игнатом хорошо...

Они задышали в клубах пыли, которая летела с шоссе из-под сотен машин, из-под тысяч солдатских ног. Их провели через несколько улиц к берегу реки, густо заставленному штабелями дров и приготовленным к сплаву брёвен. Наконец можно было присесть на землю, примоститься на пахучих брёвнах, отдохнуть. Конные немцы куда-то исчезли. Да и не было особой нужды в охране — бежать было некуда: почти с трёх сторон проходила река, широкая, с крутым, обрывистым берегом. Видно было, как стремительно несётся вода, вскипает воронками, и они бешено кружатся, исчезают, а на месте их бурлит вода, словно огромный ключ бьёт со дна реки, расплываясь бугристыми шапками пены, еле-еле поспеваящими за быстрой. Василёк, как зачарованный, глядел на быстрый бег реки, и, когда взглянул в другую сторону, где стояли немецкие обозы, танки, ему показалось, что и танки, и машины, и даже огромные штабеля дров, и брёвна поплыли по земле, поплыли быстро-быстро, словно наперегонки друг с другом. Он зажмурил глаза, и, когда снова открыл, всё стояло на месте. Возле машин сустились немецкие солдаты, чистили оружие, перегружали поклажу. Некоторые спускались по круче к реке и, раздевшись до пояса, мылись там, — только брызги летели во все стороны, жарко поблескивали на солнце голые солдатские спины. Крепко пригрело солнце, кружил голову смолистый запах брёвен. Василёк задремал, уткнувшись шапкой в груды коры и разного древесного мусора, которым была усыпана здесь вся земля.

Вскоре его разбудил чей-то крик, полный отчаяния и такой пронзительный, что все, сидевшие рядом с Васильком, невольно съёжились, а мать Василька привлекла его к себе, обняла рукой и торопливо говорила ему:

— Ты не слушай... не гляди, ты лучше усни...

Но разве можно было уснуть! Изпод материнской руки Василёк заметил необычайное движение возле шта-

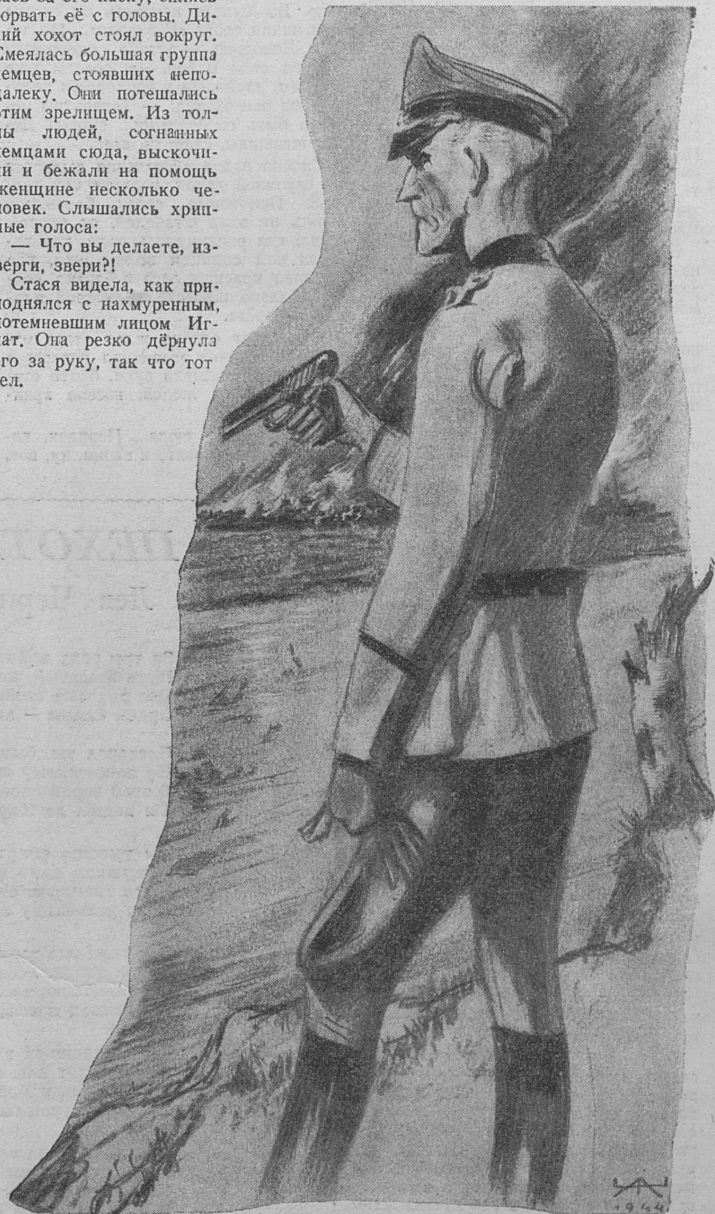
беля дров. Два немецких солдата тащили за штабель девушку лет шестнадцати. Побледневшая, растрёпанная, она упиралась, ноги её волочились по земле, разрывая песок и опилки. Сорвавшись и осянившим голосом она кричала уже еле слышно:

— Мама, мамочка...

Солдаты держали её за руки, пьяно гоготали ей в лицо. Седенькая женщина не отступала от них ни на шаг. Она наваливалась всем телом на руки солдат, вырывая девушку, забегала вперёд, не давала им идти. Один из солдат сильно ударил её по лицу, солдата повалилась на землю, но тотчас же подхватились, бросились с кулаками на долговязого немца, уцепились за его каску, с силой сорвали её с головы. Дикий хохот стоял вокруг. Смеялась большая группа немцев, стоявших неподалеку. Они потешались этим зрелищем. Из толпы людей, согнанных немцами сюда, выскочили и бежали на помощь женщине несколько человек. Слышались хриплые голоса:

— Что вы делаете, изверги, звери?!

Стася видела, как поднялся с нахмуренным, потемневшим лицом Игнат. Она резко дернула его за руку, так что тот сел.

Проклятья, шопот, глухие молитвы смешивались с криками, с угрозами стоявшего наверху человека...

пизенький генерал. Вытянулись в струнку солдаты, почтительно столпились и наклонились к нему офицеры.

Генерал пошевелил губами. Его вялый оловянный взгляд скользнул по толпе, по трупам убитых людей, по лицам стоявших навзрыд солдат.

— Что это у вас здесь такое?—ни к кому не обращаясь, спросил он. Вертячий ефрейтор ловко выскочил вперёд и встал, как вкопанный.

— Разрешите доложить, господин генерал: они,—он махнул на скопище людей,—убили нашего солдата.

— Что значит убили?—поморщился генерал.—Он погиб, как воин в неравном бою с врагом... Понял? По местам.

Солдаты двинулись к своим танкам, машинам.

— Майор Курц!—тем же вялым, бесстрастным голосом позвал генерал.

Из его свиты отделился и, слегка прихрамывая, подошёл пожилой офицер с коричневым, родным пятном во всю щеку, с густыми белесыми ресницами, придававшими коровье выражение его лицу.

— Что это значит?—коротко спросил генерал, бросив взгляд на толпу.

— По вашему приказанию, господин генерал... их собрали, чтобы не забывали дороги...

— Я назначил вас комендантом города не для того, чтобы моим войскам чинились неприятности. Там хватка рабочих рук на переправах, а здесь тысячи людей сидят без дела... Немедленно навести порядок!—повысил он голос.—А за убийство солдата...—генерал пошевелил губами, словно прикидывая про себя кое-какие цифры,—сто человек...

Генерал не спеша подошёл к машине и, уже усевшись, ещё раз повторил, обращаясь к стоящему рядом с машиной майору:

— Поднимаете? Порядок, порядок и порядок... Комендант должен работать, как часы. Да...—и он тронул перчаткой плечо шофёра, давая знак, что пора ехать.

Толпу окружили солдаты с примкнутыми штыками. Откуда-то принесли небольшой столик, две скамеечки, на них усадили солдат-писаря, разложив на столе листы чистой бумаги.

Комендант сделал несколько шагов, и его глаза неподвижно устремились на притихшую толпу.

— Встать, шапки долой!—крикнул он сорвавшимся голосом.

Рука коменданта не спеша расстегивала кобур. Он глядел на людей, внимательно следил за их движениями.

— Быстрее, быстрее!—кричал он.—Я научу вас уважать германскую армию... Я... я...—уже ревел он.—Живей шевелиться...

Взволнованная толпа была отпущена назад. Солдаты хватали мужчин, отводили их к штабелям дров у реки. Некоторые из людей бросались с кручи вниз, в воду. Поднялась бешеная стрельба, густые залпы гремели возле штабелей дров.

— Мамочка, где же наши красноармейцы, почему они не перебеют их?—спрашивал плача Василёк, прижавшись головой к коленям матери.

Мать ничего не отвечала. Она успокаивала младенца, которого держала на руках, укачивая его.

В глазах её не было ни печали, ни страха, ни тревоги. Она равнодушно смотрела на онемевших детей, на лозные движения солдат, сбрасывавших с кручи трупы расстрелянных, на коричневую щеку коменданта, окутанную дымком сигаретки. Солдаты окончили свою работу, поставили людей в громадную очередь, и они начали подходить к столу, за которым сидел комендант. Некоторых — среди них были преимущественно дети, старики,

женщины — отсылали назад, на берег. Игната вместе с другими парнями повели сразу же на грузовик. Он хотел было проститься с сестрой, с Надей, но его грубо одёрнули, погнав к машине. Он успел крикнуть:

— Держитесь вместе... Я не погибну, увидимся ещё...

Тех, кого отвозили на машинах, заносили в списки. Сравнительно небольшую группу мужчин, в которую попали люди, в чём-то заподозренные комендантом, под усиленным конвоем повели в город. Солдаты кончили писать, унесли куда-то столы и скамейки. Комендант подошёл к женщинам, столпившимся на берегу. Майор закурил сигаретку, раскрыл портсигар перед старухой:

— Прощу, мадам, угощайтесь!

Старуха растерянно взглянула на него и сухо сплюнула в сторону.

— Но, но, довольно... Довольно!—резко бросил майор.—Ещё не приучили вас к почтительности, свиньи!

Он был весел, развезен.

— Значит, ударили от нас? Бонтесть? Это хорошо, ах, как хорошо... Но вы будете бояться нас ещё больше... Мы научим вас уважать Германию. Вы будете каменеть от страха при одном слове «Германия»... Но, но, но... Довольно...—словно сдерживал самого себя майор, —и совсем уже другим, ласковым и спокойным голосом он проговорил: —Теперь вы можете быть свободными... Идите! Дети, женщины, старухи, все!

Словно вздох облегчения вырвался из огромной груди, взлетел над толпой. Некоторые сразу бросились прочь от этих штабелей, от берега, туда, где раскинулось поле, где ходили под солнцем волны ржи, где зеленел краешек леса и близко, совсем близко шестелела листвою плакучая берёза.

Комендант словно ждал этого момента. Он живо засеменил наперез толпе и, растопырив руки, будто стараясь поймать людей, весело крикнул им:

— Только не сюда... Порядок, порядок! Вы же хотите к своим, ну, вот,

а ваши за рекой. Прошу, прошу вперёд, только вперёд. Парохода не ждите, вы сами, сами...

Люди недоумённо смотрели на него. Лица, которые загорелись было надеждой, радостью, снова потемнели, стали серыми. Люди видели подхопивших солдат, офицеров, которые смеялись чему-то.

— Это у него называется охотой на водоплавающих. Пойдём, поглядим...—звал офицеров шеголеватый лейтенант, протирая перчаткой золотое пенсне.

Люди пятились назад, жались к реке.

— Ну, ну! Быстро, быстро!—из-под белесых ресниц майора уже мелькали зловещие огоньки, и покрытая рыжей щетиной рука гневно барабанила по кобуре.

Надя схватила за руки Василёка, потянула за плечо Стасю:

— Быстрее, иначе смерть...

Люди сползали, срывались с кручи. Сверху сыпался песок, сухая, жёлтая глина, мусор. Над берегом поднялся детский крик, надрынный плач женщин. Проклятья, шопот, глухие молитвы смешивались с криками, с угрозами стоявшего наверху человека с коричневым пятном на щеке.

— Василёк, прости с мамой... Боже мой, что я говорю, ну, поцелуй маму.

Стася шла, не замечая ничего вокруг, всё качала ребёнка, однообразно напевая тихую колыбельку:

— А-а-а... а-а-а...

К ногам подступила вода. Становилось всё глубже и глубже.

— Держись за шею, Василёк, крепко-крепко, не разжимай рук.

— Мне страшно, я боюсь...—закричал Василёк, стискивая до боли руки, когда мутная вода забурлила возле его ног.

— А ты зажмурь глаза... Стася, Стася, ну чего же ты... иди!

Вода подступала к горлу. Стася держала ребёнка над собой и, боязливо подвигаясь вперёд,—сбивало с ног быстрое течение реки,—всё напевала одно и то же:

ПЕХОТИНЕЦ

Лев Черноморцев

За три года войны прошёл ты
Путь немалый, нелёгкий путь.
Две полоски тесёмки жёлтой —
Орден Славы — леги на грудь.

Постарел ты, бывал в переделке.
Но попржнему взгляд острей.
В этой серой своей шинельке
Ты дошёл до Карпатских гор.

Ты умеешь смертельной пулей
И штыком супостата достать.
Рыть траншеи, стоять в карауле
И по несколько суток не спать...

Где тяжёлые танки вязнут
Среди топей, лесов и болот,
Там винтовка твоя безотказна —
Пехотинец повсюду пройдёт!..

Ты бросаешься в быстрые воды,
Дождь идёт или сыплет снег;
Ты воюешь в любую погоду,
Русский скромный, простой человек.

И, сражаясь за правое дело,
Раны эти ты принял в бою,
Заслони своим собственным телом
Всю страну, всю Россию свою!..

— А-а-а!.. а-а-а...

Вдруг она дико вскрикнула. Дёсо скользнуло куда-то глубоко, глубоко. Песня оборвалась, и Надя больше уже не слышала её. Надя изо всех сил старалась удержаться на ногах. Вода вертела её, бешено бросала в сторону, властно тянула на дно, когда Надя попадала в кипучую воронку. Ей тяжело было дышать, шее до боли сжимали руки Василёка, и она старалась так держаться на поверхности, чтобы стремительная вода не оторвала от неё маленького, трепетного тела ребёнка. Мимо проносился берег, мелькали прибрежные кусты, заросли тростника. По воде доносились редкие выстрелы — оттуда, с того высокого берега. Несколько пенных столбиков воды поднялось перед ней, ей казалось, что это мелкая рыбёшка выплеснулась на поверхность, спасаясь от жадной щуки. Течение подхватило её и занесло за дамбу. Ноги ощутили песчаное дно отмыли. Тут было тихо, спокойно, заросли лозняка скрывали её. Она встала на ноги, сняла со спины Василёка, взяла за руки и, горячо поцеловав его мокрую щеку, вдруг расплакалась.

— Боже мой, боже! За что это всё?..

Василёк, раскрыв глаза, со страхом глянул на Надю:

— Чего ты, тётя?

Детский голос привел её в себя.

— Ты не смотри, Василёк, это я просто так...

Она осмотрелась вокруг. Места были знакомые до мелочей. Вода пронесла их километра два. Тут был прежде деревянный мост, на который выходила лесная дорога. От моста остались только обгорелые столбы, дымился ещё уцелевший настил возле самого берега. Надя осторожно пошла к берегу, и, когда ноги её коснулись сухой земли, она обессиленно опустилась на песок. Страшная слабость овладела всем её телом, кружилась голова, и казалось, что всё вокруг плывёт, кружится: и лозняк, и кусты ракиты, и огромные сосны, что стояли поодаль на песчаных холмах, где начинался лес. Но она пересилила себя, раздела Василёка, выжала его платье и развесила сушить на истлевшем, облупленном бревне, которое попало сюда когда-нибудь в половодье и теперь было наполовину занесено белым сыпучим песком.

— А ты бегай, Василёк, грейся или ложись вот здесь, на песок, он тёплый.

— А мама где? Где все люди, что были с нами?—и детское личико нахмурилось, он был готов заплакать.

— Да они дальше поплыли, а может, выбрались в другом месте... Ты не тоскуй, скоро встретим и маму...—торопливо проговорила она, избегая глядеть в ясные детские очи.

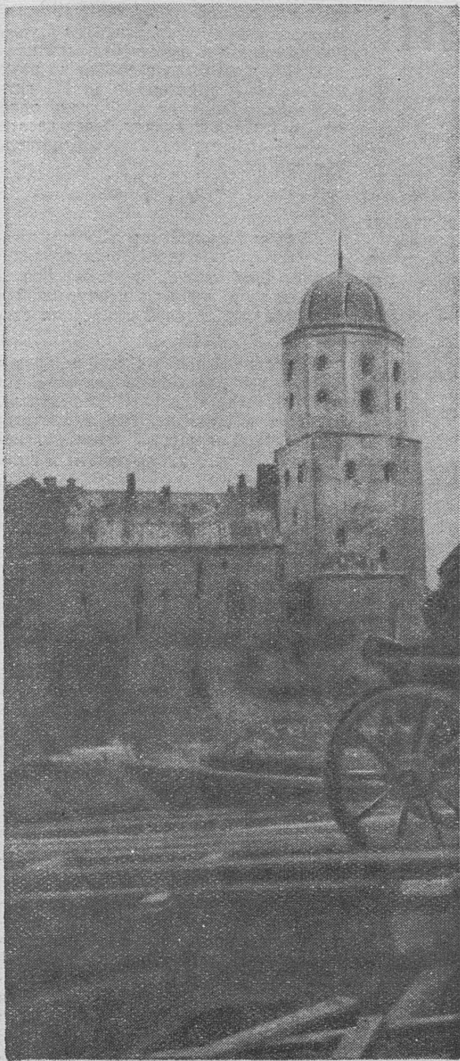
Солнце склонилось уже на запад, когда Надя решила идти дальше. Они поднялись на песчаный пригорок, и Надя долго присматривалась, где бы удобнее перейти дорогу, чтобы лесом пройти до самого дома. Ити осталось немного, каких-нибудь километров восемь.

В лесу было тепло, тихо. Где-то недалеко куковала кукушка, над поляной звенел лесной жаворонок, промелькнул на сухом дереве пёстрый дятел, ловко взбираясь по стволу. Всё было таким родным и знакомым до мельчайшего листка, до птичьего перышка, приставшего к веточке берёзы. Надя вздохнула глубоко-глубоко. Всё пережитое, виденное в эти дни, словно отошло куда-то далеко, рзз таяло, как страшный и нелепый сон...

С белорусского перевёл
Евг. МОЗОЛЬКОВ

В Ы Б О Р Г Н А Ш !

Фото С. Гузарий и Я. Рюмкина

За одиннадцать дней наступления на Карельском перешейке советские войска прорвали три сильнейшие оборонительные линии финнов и овладели городом и крепостью Выборг. Одними из первых в город ворвались автоматчики полковника Елшинова. Подняв вверх автоматы, радостные и улыбающиеся, они говорят: «Выборг наш! Вперёд, к границе!» На снимке слева: старинная Выборгская крепость.

На улицах Выборга в день вступления советских войск.

Гвардии генерал-лейтенант
С. В. Соколов.

РЕЙД КОННОЙ ГВАРДИИ

Михаил Вершинин

(Фронтовые записи)

Они молча склонились над большой картой рейда, на которую Кириллов всё время наносил обстановку. Начальник разведки Петров доложил по телефону, что в Красноармейске ещё продолжаются уличные бои. Это на северо-западе, где сосредоточены танкисты Королева.

Казаки части ведут бой за узлы сопротивления, стремясь вышибить из них противника. Плантов, заместитель Соколова, находится у уральских казаков, непосредственно руководя боями и уточняя обстановку. Самого Соколова тоже нет: он уехал к действующему рядом Баранову, командиру, с которым его связывают многолетняя дружба и совместная служба в коннице.

Наша машина двигалась по горячим следам наступления круто на юг, стремясь догнать конницу. Но это было почти невозможно, хотя и совершенно необходимо. Машина принадлежала офицеру связи Тагиеву, который ехал с пакетом к генералу. У Тагиева была карта с обозначением вероятного местонахождения командного пункта генерала.

Пункт этот был сообщён три часа назад шифрованной телеграммой, но три часа в наступлении — огромное время, и конники могли быть уже далеко впереди.

Слепящее солнце умыкает землю первым теплом, очищая её от остатков льдистого покрова. Весна. Пожалуй, по такой распутице и танк не пролезет. Сажусь на попутный бронетранспортёр.

К полудню добрались до горловины прорыва и проскочили вперёд к озябшему пламени пожара хутора. Село, в которое мы попали, растянулось по фронту на семь километров. На флангах ещё шли бои.

На левом непрерывно контратаковала немецкая группировка, попавшая в полукольцо наступающих советских войск. На правом действовала немецкая кавалерия. Не отвязываясь вступать в бой с нашими казаками, она делала разбойничьи налёты на мирные хутора, поджигала их и уничтожала население.

Пройдя в тыл к немцам, наши казаки разъединили их силы и, совершая обходной маневр, угрожали противнику полным окружением и разгромом.

Проезжая по селу, мы встретили залегших у моста автоматчиков. Они организовали засаду на случай прорыва разрозненных немецких сил. О том, что у немцев была такая задача, мы узнали от беженцев из местного населения.

К нашему бронетранспортёру присоединилось два танка, две «малютки». Решили действовать вместе, ибо в тылу врага так намного безопаснее. На «военном совете» офицеров согласились переждать ночь — утро вечера мудренее! — и на рассвете продолжить путь. Машины в полной боевой готовности для круговой обороны. Поставили часовых и установили внутренний пароль. Остальным отдыхать в хате до утра, потому что дорога предстоит нелёгкая.

Штаб размещался неподалеку от церкви. Здесь в белом просторном доме собрались прославленные кавалерийские командиры — Иван Фёдорович Куп, Кириллов и Соломатин.

Они по имени легендарного надива Первой Конной казака Морозова.

Кириллов, начальник штаба, отрывается от карты и быстро записывает все данные о трофеях.

— Молодцы морозовцы! — говорят он Соколову.

Тот снова кутается в бурку и теперь уже не ложится. Он что-то думает.

— Отдыхаете, товарищ генерал? — спрашивает Кириллов.

А знаете, Кириллов, как отдыхает генерал? Это он для других отдыхает, чтобы не мешали! Генерал думает! Вот и сейчас... Надо бы артиллерию подбросить Воробьёву!

Неожиданно разговор обрывается. Телефонист сообщает о приезде генерала Нечаева.

Нечаев только что от Баранова, он вытаскивает из планшета свежую сводку Совинформбюро и даёт командиру:

— Вот, видите, товарищи, как на Днестре дела идут, а у нас туговато что-то!

Нечаев с адъютантом чуть было не утонули в немцах. Сейчас он подробно знакомится с данными о противнике. Кириллов срочно вызывает капитана Чердынченко, одного из лучших штабных офицеров, разведчика по профессии.

В руках у Чердынченко немецкая карта с подробной обстановкой.

Сопоставляя карты с нашими данными, Нечаев убеждается в их правдоподобности. Он остаётся ночевать у Соколова и руководит отсюда приданными частями, ибо соединение Соколова считается головным, направляющим.

В деревне не прекращается кровопролитный бой. Около тысячи немцев при поддержке значительного количества бронесил контратаковали кавалеристов. Здесь, на подходе к селению, немцы обороняют хутор, выбросив сильное огневое прикрытие — роту автоматчиков.

Соколов ставит задачу группе танков под командованием Героя Советского Союза офицера Мороз. Мороз в течение получаса прочесал лес и очи-

стил его от вражеских автоматчиков. Ворвавшись на хутор, танкисты в упор расстреливали и давили бегущих немцев. При этом было рассеяно до двух батальонов и уничтожено до 150 гитлеровцев. Танкисты подожгли один «фердинанд» и подавили более десяти огневых точек врага, блестяще выполнив задачу.

Рядом размещались офицеры штаба — ближайшие помощники командования. Они сидели у телефонов и карт, в хате, насквозь прокуренной и лоутка загроможденной офицерами связи.

В отдельной комнате, ещё не присев за весь день, Сошников диктовал Чубарову боевое распоряжение генерала. Чубаров быстро перебирал клавиши портативной пишущей машинки. Яр-Мухамедов уже кленл пакеты и готовил сургуч.

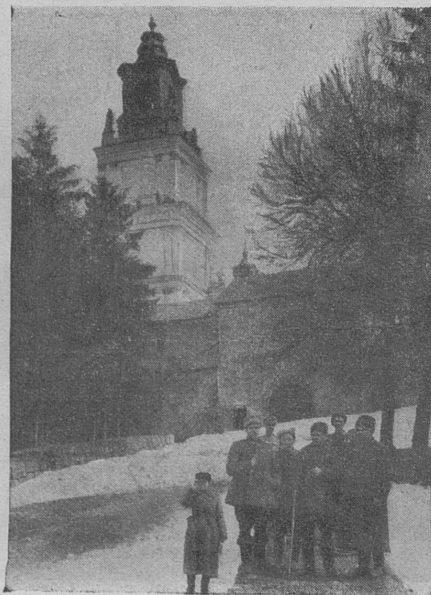
Помощник Сошникова что-то быстро записывал в журнал боевых действий, ибо впервые за несколько суток находился в относительно покое. Пожилой Симогулов и молодцеватый Кулаков, только что вернувшиеся из частей, собирались обратно со специальным поручением генерала.

В это же время Соляной и его офицеры уточняли цифры трофеев и оформляли наградные документы героев рейда. Заслуги воинов отмечались высокими наградами командования.

Так работал штаб. Без суеты, в ровном деловом напряжении. Кириллов не спал всю ночь, осуществляя связь с «верхом» и «низам». Он почти не отрывался от трубки.

Несколько раз посреди ночи вставал Нечаев. Он делал на карте какие-то пометки красным и синим карандашами и не чувствовал, как спит последние века. Быстро пробуждаясь, он протирает глаза и снова долго глядел на карту. Сейчас он руководил на этом участке подвижной группой. Наградой за успехи генерала Нечаева были ордена Ленина, Суворова, Кутузова и Красного знамени, которые пслуччл он за умелое и инициативное командование.

Наутро обстановка прояснилась. Казаки-морозовцы вышибли немцев и начали успешно продвигаться по западным скатам Кременецких гор.

↑ На миномётном наблюдательном пункте; со стереотрубой
← Наблюдательный пункт генерал-лейтенанта Соколова.

К О В П А К

Натан Рыбак

Таинственно и предостерегающе шумит лес. Уходят в густую чащу тропы. Сизые облака проплывают совсем низко над деревьями. У дороги лежат громады обгоревших танков, меченных свастикой, опрокинутые вверх колёсами немецкие грузовые машины и зарывшийся носом в кашу штабной автомобиль. Картины сражения дополняли ещё вчера группы немцев, а сегодня утром по приказу командира партизанского отряда их убрали. В этом месте подожженная группа одного немецкого соединения пыталась продолжить себе дорогу из окружения. Партизаны, в свою очередь, окружили немцев и истребили их поголовно. Взятые в плен фашистские офицеры недоумённо разводили руками и охотно утверждали, что Гитлеру капут. Теперь они сидят в землянке. Бородатый Вакуленко стоит у входа в землянку с автоматом наперевес. Ему скучно, как он выражается, от такой работы, но приказ командира есть приказ, и он спережёт фрицев.

К слову сказать, Вакуленко вообще не особенно любит на посту стоять. Куда лучше ходить в разведку! В прошлом старик Вакуленко — колхозный пастух; в опраде с первого дня его основания; он уже дважды награждён. Партизаны тепло называют его «паша», а он их всех — «сынки». Был случай, когда Вакуленко один пригнал в партизанский лагерь двадцать немцев. И все они покорно шли впереди него, словно скотина, а он весело покрикивал на них, помахиывая вместо кнута автоматом.

В лесу тихо, только шуршит в соснах беспокойный ветер. Над землянками высятся дымки. Партизаны отдыхают. Фригт передвинулся далеко вперёд. От командования соединения ещё не поступал приказ. Ходит слух, что будет приказ — по домам, поскольку родные места уже освобождены Красной Армией.

Онуфрий Чумак, разглаживая усы, высказывает свои соображения по этому поводу:

— Оно, конечно, домой охота; повоевали мы. Да, с другой стороны, и повоевать тож охота, вперёд пойти не мешает. Нам, конечно, с армией не сравняться, да в помощь ей можем стать иногда. Ну, то батюшке виднее: как наш батюшко-генерал скажет, так и будет.

Батюшко-генерал — это Сидор Артемьевич Ковпак. О нём говорят в отряде все. Его приказ жут, и этому приказу подчиняются беспрекословно. Онуфрий Чумак вспоминает:

— Когда осенью 1942 года немцы на нас танки бросили и всю дивизию «СС», Сидор Артемьевич спросил: «Ну, как, колхозное войско, не одолеет нас немец?» «Как ты думаешь, так и будет», — ответили мы ему. «Я думаю, не одолеет», — молвил Сидор Артемьевич, — хотя жарковато нам придётся».

И, сказать правду, пришлось довольно горячо, да не одолели нас немцы. Вырвались мы из кольца, а их перебили целые горы.

Онуфрий Чумак — в прошлом тракторист. Это ему пригодилось. В нужную минуту он сел в захваченный немецкий танк и неожиданно появился в одном местечке, занятом немцами. Подъехал к хате, где помещался вражеский штаб, и с хода ударил из орудия. Обезумевшие немцы бросились кто куда, а танк Чумака «утюжил» по деревне немцев. В отряде об этом случае часто вспоминают. К Чумаку обращаются:

— Расскажи, как ты населённый пункт взял.

Чумак машет рукой и ухмыляется в ус:

— А чего там рассказывать! Приказал батюшко-генерал, ну и было исполнено, моё дело маленькое. ...Шла степью девушка. Видно, издалека шла, еле ногами перебирала, шаталась от усталости. Увидела деду с котомкой. С виду он будто нищий, ветхий, такой немощный. Спросила сразу:

— Дедушка, как партизан мне найти?

Дед глянул подозрительно, пробормотал что-то в ответ и пошёл дальше, а она за ним и всё просила:

— Скажи, дедушка. Они мне, как свет, нужны. Ты меня не бойся, я от немцев бежала из самой проклятой Германии.

И молчаливому деду девушка поведала всю свою злосчастную историю о том, как её в Германию увезли, как на заводе работала она, а потом за сто марок купил её в Гамбурге кулак и увёз к себе в село. И там она, словно скотина, от зари до зари сидела на немца пнула. Били её ногами, пинали. Раз она не выдержала, толкнула хозяйку, которая её за косы рвала, и тогда рассвирепевший немец топором отрубил ей руку. При этих словах она показала деду забинтованный и скрытый под жакетной обшивкой левый рукав. Тогда дед остановился, глянул ей в глаза и тихо сказал:

— Иди за мной. Приведу, куда хочешь.

Дед Свирид Мирошниченко, оязной партизан, как выяснила девушка впоследствии, привёл её в свой отряд. И вот спустя много месяцев стоит перед нами она, Мария Стасюк. Рукав на левой руке высоко подстёгнут. Это неизгладимая, печальная память о пребывании в немецком рабстве. Мария слышит, одним из лучших бойцов партизанского отряда. Она выполнила немало смелых заданий. Физический недостаток не помешал ей стрелять в ненавистных оккупантов. Конечно, как и все, она скучает по родному дому. Ведь, небось, в Полтаве её давно похоронили. Но крепко в ней, очень крепко желание с автоматом в руке дойти до немецкого села Фрайштат и появиться на пороге каменного дома Рудольфа Шемберга. Она хотела бы посмотреть, какое тогда выражение лица станет у герра Шемберга и у фрау Амалии. Забывшее будет зрелище! Копла Мария говорит об этом, брови сурово сдвигаются и в глубоких карих глазах вспыхивают грозные огоньки.

О прошлых походах, о невзгодах и трудностях партизаны говорят неохотно и скупно.

Дважды Герой Советского Союза С. А. Ковпак.

— Что рассказывать! Война, как война, — споконно повествует спрону Николай. — Конечно, не всем приятно было созавать, что вокруг немцы. Но нам всем пример показывал Сидор Артемьевич. В его соединении быть — великая честь. Он, как карающая рука, всюду наступал немецких злодеев.

Земля, по которой мы ходим и ездим, очищена полностью от фашистов. Но ещё не так давно они рыскали здесь повсюду, и партизаны вели упорную и жестокую борьбу с оккупантами. Большие и малые отряды Ковпака неожиданно появлялись там, где немцы никогда их не ждали. Среди ночи огонь охватывал здания штабов, взлетали в воздух артиллерийские склады, летели под откос эшелоны, выводились из строя станции и мосты. И везде и всюду оккупанты слышали страшное для них имя — «Ковпак». На стенах домов, на заборах в сёлах и городах, на придорожных столбах и на деревьях в лесу чьи-то невидимые руки расклеивали арапские листовки. Из них народ узнавал правду о военных действиях, узнавал о событиях в жизни за линией фронта.

...Было это в Сорочинцах, на базаре, в воскресный день сорок второго года. Конечно, базар не такой, как до войны. Ни песен, ни говора, ни смеха не было. Но жить ведь людям надо, и ехали и пешком шли они из окранных сёл в Сорочинцы, чтобы продать то, что осталось утёшиного от грабителей, да и людей встретить, новость какую узнать. Ходил среди воев человек в свитке, с кнутом в левой руке. Расту он был среднего, с небольшой седой бородкой; ходил, пыгаркой дымит, улыбается хитровато, поглядывает на воя, на людей, будто ищет чего-то. Сел у одного воя

возле группы крестьян. Они сразу замолчали, смотрят на непрошеного гостя исподлобья. А он усмехнулся и так прямо сказал:

— А вы не бойтесь — знаю: немцев ругаете. Я человек свой. Как там у вас люди в Грязевке? Что немцы много беды натворили?

Люди по сторонам оглянулись, смотря на человека как-то недоверчиво, но потом постепенно разговорились. Конечно, плохо в Грязевке, мочи больше нет терпеть. Староста — подлец, кулак беглый, с немцами и объявился. Теперь мобилизацию проводят, на будущей неделе отправлять будет в Германию парней и девчат — всего человек двести, пусто станет в селе. А заложников сколько уже взяли — не перечесть!..

Человек в свитке слушает внимательно. Лицо его становится суровым.

— К нам бы хотя партизаны заглянули, — говорит один колхозник. — Много б с ними ушло, да и немцев потрусили бы. А то расхотелись кань. Хоть бы Ковпак кого прислал.

— Пришлёт, а может, и сам появится у вас, — отвечает человек в свитке.

— А тебе откуда это известно? — отмахивается старик в дмотканной рубаше до колен.

— Мне доподлинно известно, — говорит человек в свитке, — я Ковпак!..

А через два дня, среди ночи, в Грязевке появляется Ковпак с небольшим отрядом партизан. Влетает в воздух немецкая комендатура, бегут фрицы в дикой панике, поднимают руки, сдаются в плен. Окружённый партизанами стоит на площади перед церковью немецкий прислужник — предатель-староста.

Имя народного героя, партизанского водителя Сидора Ковпака благословляется в каждой хате. Старуха Дарья Сербиченко, у которой три сына в Красной Армии, а сама она с первых дней в одном из партизанских отрядов, стряпает еду партизанам, говорит о Ковпаке:

— Наш генерал от самого великого Сталина Звезду золотую получил. Герой он такой, что в заморских землях такого и не сыщешь, а всё потому, что правду народную сердцем чует.

...В сияющем огнях Киевском театре оперы шло заседание сессии Верховного Совета Украины. Впервые после двух лет оккупации собрались народные избранники в освобождённой столице Украины. И, когда глава правительства Украины Никита Сергеевич Хрущёв назвал депутатам имя прославленного генерала Ковпака, весь зал поднялся, и громовая волна аплодисментов не стихала несколько минут. А генерал Ковпак сидел в боковой ложе, смущённо улыбаясь. Светили юпитера. Сняли на генеральском кителе ордена. Большевик Ковпак, верный сын своего народа, поднялся и поклонился залу в знак признательности.

Три года назад, когда мирно цвела наша родина, в тихом зелёном Путивле, наполненном древними сказаниями и легендами, Ковпак занимался скромными и будничными исполкомовскими делами. Он любил «Слово о полку Игореве» и гордился своим древним городом. И когда война разразилась, он, Ковпак, знал, что делать. Начал с небольшого. Выступление товарища Сталина 3 июля 1941 года подсаждало многое Ковпаку. И вскоре имя путивльского гражданина Сидора Ковпака загремело по Украине.

Шумят леса. Теряются в чащах таинственные тропы, по которым идут партизанские отряды. Они ведут по узеньким дорожкам осёдланных лошадей с ногами, обмотанными войлоком, и завязанными мордами, таят орудия, идут через непроходимые топи. А некоторое время спустя уже полнится слухом земля, уже говорят в сёлах с любовью и надеждой:

— Ковпак пришёл!

И несутся по немецким проводам шифровки, и снова диктуются приказы: окружить Ковпака. Назначаются баснословные цены за живого или мёртвого. А генерал Ковпак читает немецкие посулы за свою голову и смеётся. Он ведёт свой счёт мести немецким палачам и помогает Красной Армии бить немцев. Многие из его отрядов в походах. А тем, которым приказано возвращаться на родные места, неохота уходить от своего генерала и боевых друзей. Эти простые, различных профессий люди, ставшие народными мстителями, готовы на любой подвиг во имя счастья своей родины. Велика их любовь к своему народу, и страшна их всеокружающая ненависть к немцам. В этом источник их силы и непобедимости. Полны степи и города Украины великой славой партизанской.

ЧЕРНОМОРСКИЕ ЛЕТЧИКИ

Текст И. Золпна

Фото С. Струнникова

Боевой день на аэродроме начался рано. С берега ещё тянул предрассветный бриз, и солнце не вышло из-за зелёного ковра степной Таврии, а самолёт-разведчик под управлением младшего лейтенанта Воинова уже взмыл над спокойной гладью Чёрного моря. Экипаж зорко осматривал водную поверхность.

Каждую ночь из Севастополя уходили немецкие караваны, вывозя награбленное имущество и удирающих из Крыма гитлеровцев в порты Румынии и Болгарии. На коммуникациях немцев били черноморские подводные лодки, торпедные катера, морская авиация.

Авиационное соединение Героя Советского Союза подполковника Корзунова уже пустило на дно несколько вражеских кораблей. Красочно и со вкусом выполненные плакаты, вывешенные на аэродромы, свидетельствовали:

«...экипаж лётчика лейтенанта Иванова — штурман младший лейтенант Вершинин, стрелок радист старший сержант Антонюк — бомбоударом с пикирования... потопили транспорт водоизмещением 5 тысяч тонн.

Бейте так, как бомбит экипаж тов. Иванова».

Другой плакат:

«...экипаж кавалера ордена Александра Невского капитана Казановского — штурман Заболотских, радист Позднов — и экипаж младшего лейтенанта Жарикова снайперским ударом потопили транспорт противника водоизмещением 5 тысяч тонн.

Слева отважным соколам!»

...Полёт разведчика продолжался. Уже давно скрылись за горизонтом берега родной земли. Штурман экипажа капитан Шабанов несколько раз менял курс самолёта, пока на горизонте не показались медленно ползущие точки: идёт караван. Опытный глаз сразу определил курс, типы судов, состав охранения.

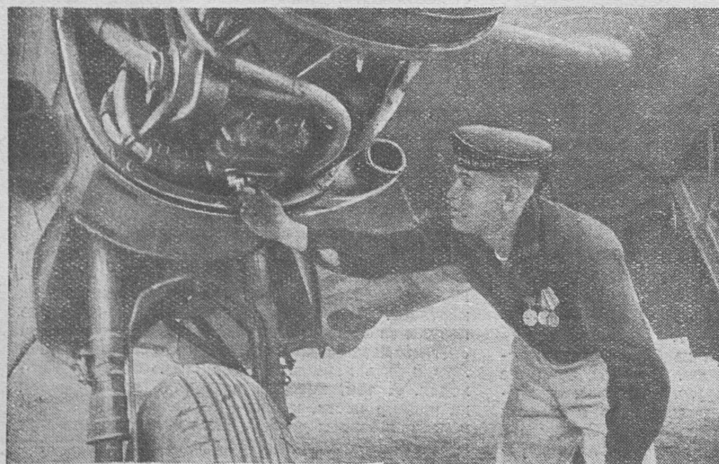
Радиограмма, полученная в штабе, лаконично сообщала: четырнадцать судов, в том числе два крупных транспорта; координаты — курс на Севастополь.

В то же время другой самолёт-разведчик, под управлением младшего лейтенанта Григорьева, доносил об обнаружении каравана, вышедшего из Севастополя.

Цель обнаружена. На аэродроме идёт деятельная подготовка самолётов к полёту. Техники и вооруженцы осматривают «Петляков-2». Подвезены бомбы. Взойётся ракета — и самолёты пойдут на цель.

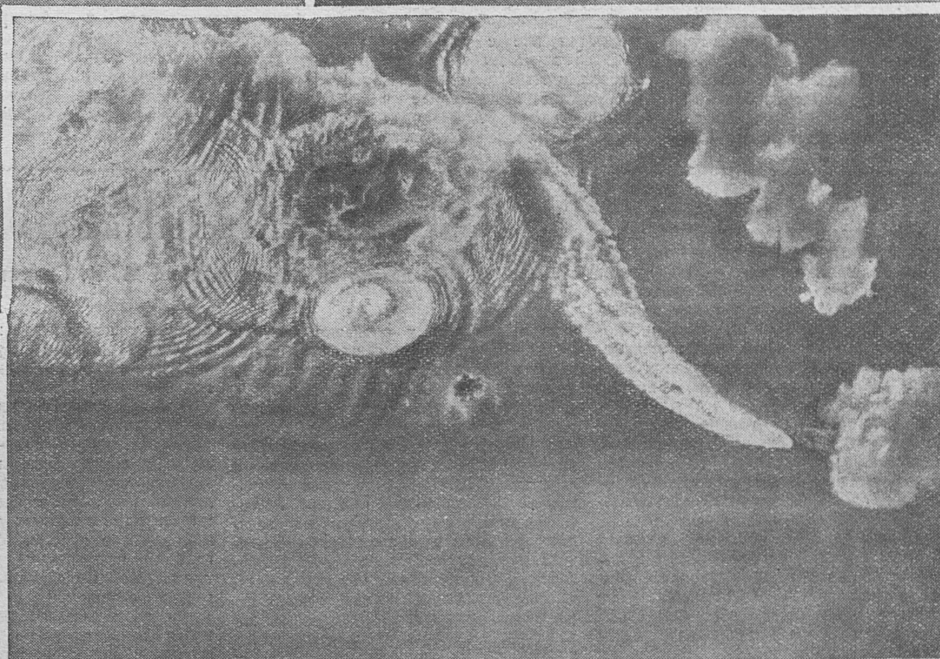
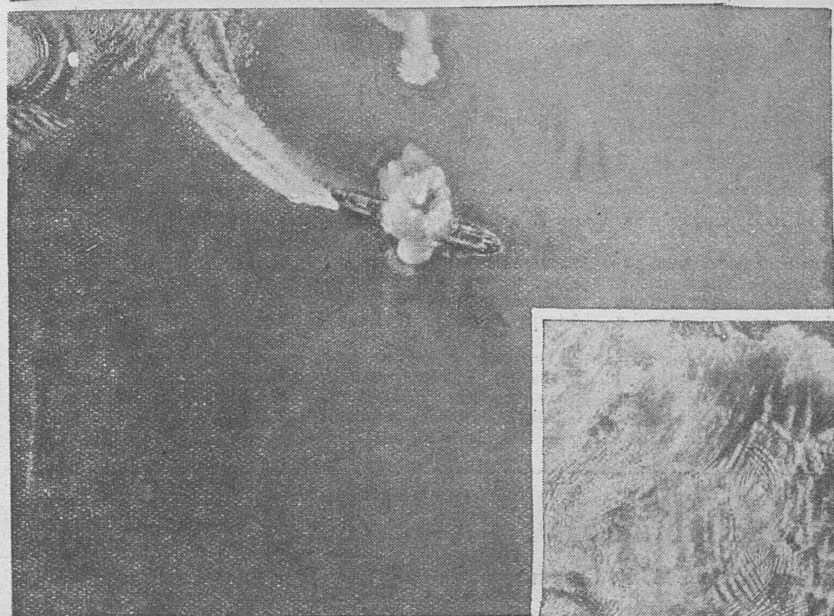
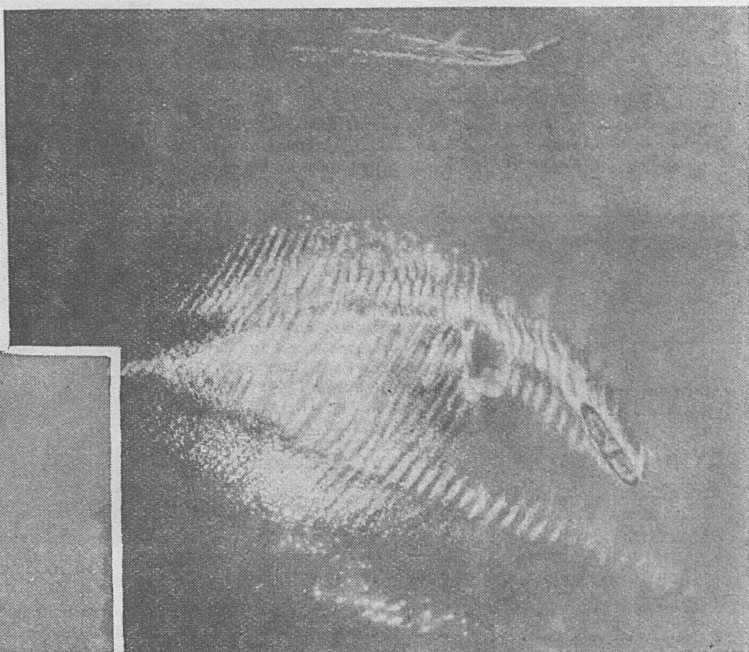
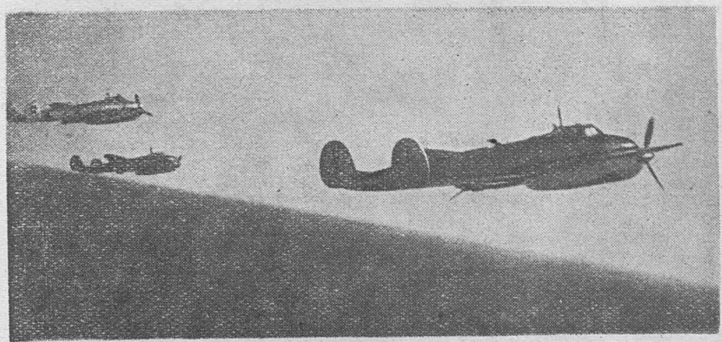
В полёте каждому должна быть ясна задача: как заходить на цель, в каком порядке пикировать, как отходить от цели. Опытный лётчик, заместитель командира эскадрильи капитан Казановский перед полётом ещё раз собрал экипаж тройки самолётов, идущей на боевое задание. Песчаная площадка превратилась в карту. Капитан рисует схему предстоящего нападения на вражеские корабли. →

В последний раз старшина моторист Чеховский внимательно проверяет каждый винт, каждый краник мотора. Чеховский — участник обороны Севастополя. Помимо медали за оборону города-героя он дважды награждён боевыми медалями.

Задание получено. Самолёт готов. Командир экипажа не должен заниматься в воздухе тем, что можно решить на земле. В последний момент командир инспектирует подчинённых. В воздухе каждый должен знать, что ему делать.

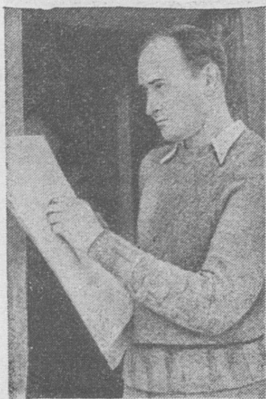
Старт дан. «Петляковы», ведомые капитаном Казановским, пошли выполнять боевое задание (верхний снимок слева). Цель обнаружена. Транспорт и десантная баржа, попавшие в фотообъектив одного из самолётов, маневрируют. За кормой транспорта рвётся первая бомба (верхний снимок справа): Это только «пристрелочный» удар. За ним последуют другие. Бомбы накрыли цель (снимок слева). Это меткий удар экипажа самолёта под командой младшего лейтенанта Огородникова. Бомба, падающая рядом с бортом, действует наиболее разрушительно. Такому кораблю дорога одна — на дно. Транспорт горит (снимок справа). Этот корабль не вернулся в свою базу. Транспорт пошёл ко дну.

Самолёт вернулся на свой аэродром. Одержан, как говорят лётчики, новый крупный боевой успех. Потоплен транспорт водоизмещением в 5 тысяч тонн. Младший лейтенант Огородников (в центре), чьи бомбы поразили цель, рассказывает товарищам о полёте.

«Мессершмитты» пытались помешать нашим бомбардировщикам, но наши истребители прикрытия напали на них. Завязался воздушный бой. Лётчик-истребитель капитан Каменский сбил одного «Мессершмитта-109». На снимке: командир соединения Герой Советского Союза тов. Корзунов поздравляет капитана Каменского с победой.

В МАСТЕРСКОЙ П. СОКОЛОВА-СКАЛЯ

П. П. Соколов-Скаля.

Эпоха Грозного давно привлекает внимание лауреата Сталинской премии П. Соколова-Скаля. Им ещё в 1941 году написано большое полотно — «Въезд Ивана Грозного в Ливонию». По-

этому он с большим воодушевлением взялся за оформление постановки новой пьесы — трилогии Алексея Толстого «Иван Грозный» — на сцене Малого театра. Художником собран большой литературный и исторический материал, относящийся к эпохе Грозного. Он понаблюдил П. Соколову-Скаля для создания декораций, костюмов, гримов и бутафории к оформляемому им спектаклю.

В мастерской большое красочное полотно.

— Это моя ещё не оконченная работа, — сказал художник. — Полотно должно отобразить один из эпизодов русской истории.

П. Соколов-Скаля познакомил нас с многочисленными эскизами к картине. Эпизод, взятый художником, отображает возвращение в Псков войск Александра Невского после Ледового

П. П. Соколов-Скаля. «Иван IV в Ливонии. Взятие крепости Кокенгаузен».

побойща с тевтонскими рыцарями на Чудском озере. В солнечный весенний день, на фоне разрушенной и сожжённой немцами Пскова, по городу проходят воины-победители. На переднем плане мы видим псковитян, с радостью встречающих своих освободителей. Одну

из центральных мест в картине, размером в 25 квадратных метров, занимает фигура Александра Невского.

Основной своей задачей художник ставит показать русский народ, переживший большую и тяжёлую войну.

— Вот две моих основных

работы, которые меня сейчас увлекают, — говорит П. Соколов-Скаля. — Но, работая над ними, я не порываю творческой связи с редакцией «Окон ТАСС». Мною самим написано более трёхсот плакатов «Окон ТАСС».

В. Шевцов

ГОРДОСТЬ РУССКОГО НАРОДА

(К 140-летию со дня рождения М. И. Глинки)

«На русской музыкальной почве вырос роскошный цветок — он ваша радость, ваша слава», — так писал, обращаясь к русской общественности, В. Ф. Одоевский, одним из первых оценивший гений Глинки и пророчески возвестивший, что с появлением «Ивана Сусанина» начался «новый период в искусстве — период русской музыки».

Глинка был не только основоположником русской музыкальной классики, утвердившим её мировое значение, но и завершителем большого периода развития отечественного музыкального искусства.

Доглинковский период русской музыки корнями своими уходит в далёкое прошлое нашего народа, веками создававшего беспримерное по красоте песнетворчество, веками выковывавшего национальные черты своей культуры.

Величайшая заслуга Глинки — обобщение всего огромного опыта, накопленного во всех областях отечественной музыки, утверждение высо-

кого мастерства и создание подлинно классических произведений, составивших прочную и надёжную основу русской музыкальной культуры.

За свою сравнительно недолгую жизнь великий композитор создал произведения в самых разнообразных жанрах. Оперы «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила», музыка к трагедии Кукольника «Князь Холмский», симфония-увertura на темы двух русских народных песен (окончена и инструментована В. Я. Шебалиным), фантазия «Камаринская», «Вальс-фантазия», две испанские увертюры и другие оркестровые сочинения, камерно-инструментальные ансамбли, около ста вокальных и свыше пятидесяти фортепианных сочинений — таков перечень произведений Глинки. Остались неуспевшими последние творческие

замыслы композитора: программная симфония «Тарас Бульба», опера «Двумужница» (на сюжет Шаховского), литургия Иоанна Златоуста.

В творчестве Глинки во всей полноте проявились национальные черты русской культуры — её высокое идейное содержание, глубина, правдивость и подлинная народность. Великий композитор был гениальным выразителем заветных дум и стремлений родного народа. Музыка Глинки глубоко национальна не только по средствам выразительности, неразрывно связанным с великолепием русского народного песнетворчества, но и прежде всего по существу своему и всему содержанию.

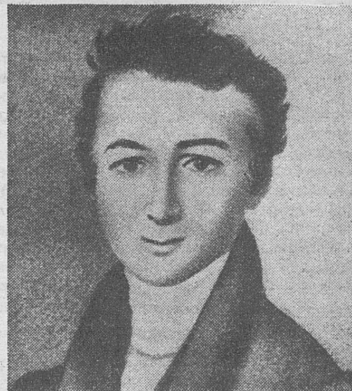
Великая идея патриотизма, идея любви к родине, готовности отдать за неё все свои силы и даже жизнь, воплощена в драгоценной жемчужине героического эпоса русского народа — в опере «Иван Сусанин» — бессмертном творении Глинки.

Творческое многообразие нашей культуры породило «Руслана и Людмилу». Недаром Бородин, получивший в подарок от сестры Глинки Л. И. Шестаковой партитуру этой оперы, писал: «Да будет она евангелием всех русских композиторов».

Эмоциональное богатство запечатлелось и в знаменитой фантазии «Камаринская», послужившей образцом для многих не только русских, но и зарубежных композиторов, в блестящих испанских увертюрах и в лирически-обаятельном «Вальсе-фантазии».

Целый мир человеческих переживаний раскрывается в многочисленных романах Глинки. Драматические баллады «Ночной смотр» и «Стой, мой верный бурный конь», проникновенно выразительные романсы — «Не искушай меня без нужды», «Сомнение», «Жаворонок», «Северная звезда», —

чарующая баркаролла «Уснули голубые», — разве можно без волнения слушать эти творения глинковской музыки?

М. И. Глинка в молодости.

Заветы Глинки были благоговейно восприняты последующими поколениями русских композиторов — начиная от Даргомыжского, Балакирева, Бородина, Мусоргского, Римского-Корсакова, Чайковского и кончая советскими мастерами, продолжающими славные традиции русской музыкальной классики.

Жизнеутверждающая мощь русской музыки, проявившаяся и в величественном эпосе и в просветлённой лирике, рождена несокрушимой созидательной силой нашего народа, подарившего человечеству гениальных мастеров, в плеяде которых блистает имя Глинки — наша гордость, радость и слава.

В наши дни музыка Глинки звучит с особенной силой, как гимн Родине, вдохновляющий её мужественных защитников, зовущий к солнечному свету и счастью, к славным битвам и победе.

Игорь Белза

М. И. Глинка во время создания «Руслана и Людмилы».

Картина И. Е. Репина.

ДОКУМЕНТЫ

ЛЕНИНГРАДСКОЙ ЭПОПЕИ

Ленинградский Институт истории ВКП(б) и Госполитиздат выпустили в свет первый том большого сборника документов и материалов «Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза».

Строгим и точным языком документов книга повествует о событиях героической ленинградской обороны за первые два года Отечественной войны, с 22 июня 1941 года по 22 июня 1943 года.

Эта книга — результат большой и длительной работы. С первых дней Отечественной войны в Ленинградском институте истории ВКП(б) стали сосредотачиваться многочисленные документы и материалы. В их сборе активно участвовали не только учёные-историки, но и трудящиеся Ленинграда, бойцы и офицеры Ленинградского фронта, моряки Краснознамённого Балтийского флота.

В первый том вошло около трёхсот документов и материалов. Они наглядно иллюстрируют слова А. А. Жданова:

«В Ленинграде нет грани между фронтом и тылом. Все живут одной мыслью, одним духом — всё сделать для разгрома врага... Каждый ленинградец, мужчина и женщина,

нашёл своё место в борьбе и честно выполняет свой долг советского патриота».

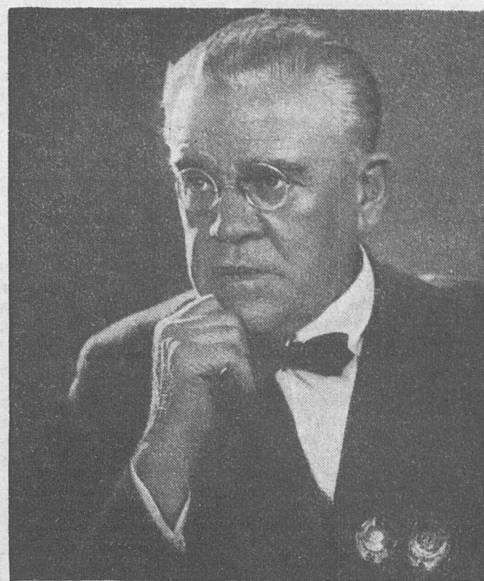
Текстом этой речи открывается сборник. Первый раздел книги посвящён начальному периоду войны и перестройке работы на военный лад; восьмой — показывает события второй военной зимы, прорыв блокады Ленинграда в январе 1943 года и подготовку к решающим боям. В заключительном, девятом разделе опубликованы документы и материалы о жизни и борьбе трудящихся Ленинградской области. В книгу включён также краткий обзор боевых действий на Ленинградском фронте за два года Отечественной войны.

Читатель найдёт в сборнике тексты важнейших правительственных решений и указов, постановления гражданских и военных органов власти Ленинграда, воззвания, обращения, резолюции массовых митингов, письма ленинградцам из различных городов и районов страны, а также наиболее важные передовые статьи газет и статьи руководящих партийных, советских, комсомольских и военных работников Ленинграда.

Издание первого тома сборника документов ленинградской эпопеи сделан ценный вклад в работу над созданием истории героической борьбы Ленинграда, увенчанной великой победой.

Ник. Воронов

Литература и Искусство

Народному артисту СССР Ивану Михайловичу Москвину исполнилось 70 лет. Правительство наградило юбиляра орденом Ленина.

В Московском Художественном театре состоялся спектакль «Царь Фёдор Иоаннович», где в роли царя Фёдора выступил юбиляр. В первый раз эту роль он исполнил сорок пять лет назад.

МОЯ РАБОТА НАД «ИВАНом Грозным»

Написав несколько исторических романов: «Пилирим» (из времён Петровской эпохи), «Жрецы» (времена Елизаветы Петровны), «Козьма Минин», — я посвятил себя изучению истории царствования Ивана IV. Эпоха второй половины XVI века интересна для нас тем, что в этот период нашей истории с наибольшей силой проявилось развитие русской государственности, русского национального самосознания. В годы бурного царствования Ивана Грозного особенно яркое выражение получила идея цельности народа. Нам, живущим в столь отдалённую эпоху от XVI века, трудно даже представить себе, как близка сердцу народных масс была централизация Русского государства, уничтожившая кровавую междоусобицу и все связанные с ней распри удельной княжеской системы.

В. Костылёв.

Единая власть, единый суд, единое войско, защищавшее русскую землю от внешних врагов, от захватчиков-иноземцев, — всё это располагало народные массы к поддержке идеи централизации. Вот почему, по свидетельству иностранных путешественников, народная масса была на стороне Иза-

на IV, а не на стороне боярской реакции. Вот почему народ других национальностей, составлявший войска царя Ивана, так блистательно совершал походы и повсюду бил врагов России, в частности, особенно ярко показав свою сплочённость и мощь в Ливонской войне.

Меня особенно интересует именно борьба Ивана Грозного за выход к морю, так называемая балтийская проблема, рождённая XVI веком в России. Она потребовала большого напряжения Московского государства и поглотила многие годы царствования Ивана IV. Об этом говорит Маркс в своих хронологических выписках:

«Он был настойчив в своих попытках против Ливонии: их сознательной целью было дать России выход к Балтийскому морю и открыть пути сообщения с Европой. Вот причина, почему Пётр так им восхищён!»

Иван Грозный на фоне замечательных событий XVI века предстаёт перед нами в совершенно ином свете, чем это трактовалось большинством историков дореволюционного времени.

Первая книга трилогии о царе Грозном — «Москва в походе» — уже вышла отдельной книгой и в издании Государственного издательства «Художественной литературы» и в Горьковском Изд. Основная её тема — Ливонская война.

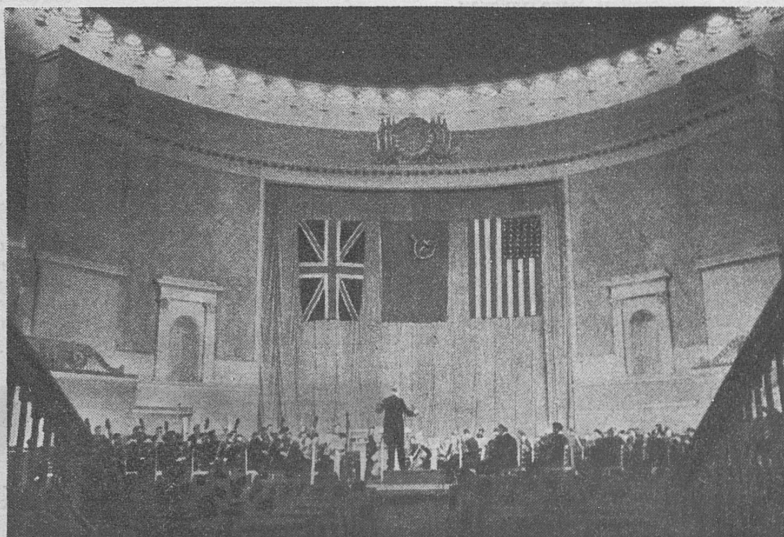
Вторая книга об Иване Грозном, которую я назвал «Море», изображает совершенно не освещённый в художественной литературе и вскользь задетый наукой период так называемого «немецкого плаванья». Нарва — это допетровское «око-

в Европу», которым Россия обладала двадцать три года. Книга «Море» мною уже сдана в печать.

Над третьей книгой — «Мечта и быль» — я работаю в настоящее время. В эпилоге этой книги предполагая вывести Петра Великого.

В. Костылёв

КОНЦЕРТЫ АНГЛИЙСКОЙ, АМЕРИКАНСКОЙ И СОВЕТСКОЙ МУЗЫКИ

С большим успехом прошли в зале имени Чайковского два концерта, организованных Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей и Московской филармонией. Концерты были посвящены музыке СССР и наших союзников.

Программа первого концерта состояла из произведений английских и советских композиторов и программа второго — американских и советских композиторов.

Часть произведений исполнялась в СССР впервые. С особым интересом была прослушана увертюра «Сталинград» английского композитора Дарнтон. Не меньшее внимание привлекла первая часть 5-й симфонии американца Роя Гарриса, посвящённой народам Советского Союза.

Во вторых отделениях обоих концертов исполнялись произведения Прокофьева, Шостаковича, Хачатуряна и Шапорина. Дирижировали профессор Орлов, Прокофьев и Аносов.

На фото: концерт английской и советской музыки в зале имени Чайковского.

Фото А. Гаранина.

Тегеран расположен в ложбине, окаймлённой горами. В городе большое движение. На улицах лучшие марки американских машин и тут же ишаки, верблюды. Трамваев в городе нет. На легковых четырёхместных машинах часто ездят до десяти человек. Красочна и пестра уличная толпа. Ни в одном городе я не видела такого интернационального населения: иранцы, американцы, армяне, русские, англичане, французы, евреи, арабы, поляки, индусы. Масса военных. Блещут самые разнообразнейшие воинские формы. Особенно отличаются индусские войска, в коротких брюках, как это принято в южных странах, с тюрбанами на голове.

Женщины — в паранджах, закрывающих половину лица. Нам рассказали легенду, объясняющую возникновение паранджи. Какой-то персидский царь уехал на войну. Царица, услышав о его победе, решила построить в честь победителя мечеть. Царица торопила архитектора, но постройка шла медленно. Происходило это потому, что архитектор влюбился в прекрасную царю и хотел продлить время, чтобы любоваться ею. Он сказал царице, что построит мечеть быстро, если она позволит себя поцеловать. Царица сперва не соглашалась, но затем, из любви к царю, в честь которого торопилась построить мечеть, позволила. Поцелуй был такой жаркий, что запечатлелся на щеке царицы, и она никак не могла его смыть. Она надела на лицо покрывало — паранджу. Вернулся царь. Царица не посмела открыть лица и рассказала царю всю правду о запечатленном поцелуе. Разгневанный царь велел схватить архитектора, но тот взбежал на выстроенный им высокий минарет мечети и оттуда вознёсся на небо. С тех пор персиянки носят паранджу — из солидарности с царицей и из опасения, чтобы и на их лицах не оставалось следа от чужих поцелуев.

Центр Тегерана имеет вполне европейский вид. Улицы широкие, чистые, хорошо мощёные. Архитектура частью европейская, но большинство построек в восточном, мавританском стиле — мозаика, внутренние дворы-сады с фонтанами, водоёмами. По краям улиц — довольно грязные арки. Ярко освещены магазины. Магазины полны красочных персидских тканей, ковров, восточных украшений из серебра. На улицах много нищих. Поражает непривычная для нас резкая противоположность между огромным богатством одних и нищетой других.

В день приезда мы выступили в одной из красноармейских частей с разнохарактерным концертом. В горячих аплодисментах чувствовался привет красноармейцев родине, дорожки Москвы.

ПОЕЗДКА ПО ИРАНУ

Суламифь Мессерер

солистка Московского Большого театра

На второй день мы выступили в американской части. В течение одного дня американские солдаты построили для нас сцену, оборудовав из брезентовых палаток артистические уборные. Несмотря на импровизированную быструю постройку, всё было сделано очень удобно. Мы вспомнили о знаменитом американском сервисе, о котором знали понаслышке. В графинах — ледяная вода, столь приятная при страшной жаре, уютные уголки для артистов, зеркала, столики, удобные лампы и прочее.

Моё выступление было встречено неистовым восторгом. Я страшно испугалась, думала, что провалила номер, что мною очень недовольны. Оказалось, что, наоборот, американцам моё выступление понравилось и что свист — это обычный способ американцев выражать свой восторг. Свист долго не унимался, и мне пришлось бисбировать оба моих номера — классический танец из балета «Дон Кихот» и украинскую народную пляску, особенно понравившуюся американцам.

В первые же дни мы дали несколько открытых концертов для населения Тегерана. Иранцы принимали наши выступления восторженно. Вообще русское искусство, которое мы представляли, пользовалось в Иране неизменным огромным успехом. В Мешхеде, например, мы по окончании концерта, сев в машины, очень долго не могли уехать: толпы зрителей, окружив наши машины, бурно приветствовали нас и закидали цветами. Это было выражением чувств иранцев к нашей родине и к русскому искусству.

Пробыв несколько дней в Тегеране, мы тронулись в путь, имея целью возможно шире обсудить концертами Иран. Сначала мы объездили всё Каспийское побережье — север Ирана. Пять тысяч километров мы сделали на автомашинах. Проезжали горные перевалы, высокие, с вечными снегами; спускались в долины с быстрыми

горными реками, с рисовыми полями. Нам встречались табуны джайранов и диких кабанов

В день мы проезжали по 250 километров, останавливаясь в чайхане, где ели неизменные шашлык и лаваш — разновидность хлеба — и пили вкусный, крепкий персидский чай. Здесь самые фруктовые места. Всюду по дороге множество фруктовых садов и плантаций. Гиперболических размеров арбузы, дыни. Гранатовые леса.

Мы вели жизнь на колёсах. Проехав 200—300 километров по неровной дороге, мы, прибыв в красноармейскую, американскую или английскую воинскую часть, останавливали машину прямо у клуба, где публика уже нас ждала, и немедленно давали концерт. Закончив его, нередко сразу двинулись дальше. Иногда в день давали по два концерта. Если по дороге встречались достопримечательности Ирана, мы останавливались, чтобы познакомиться с ними. В стороне от дороги, по которой мы ехали, расположена могила и памятник Фирдоуси. Мы поехали туда. Небольшой

сад, огороженный высоким железным забором. Внутри сада на переднем плане мраморный белый бассейн с прозрачной, чистой водой. За бассейном громадный обелиск с надписями и стихами знаменитого иранского поэта. Внутри памятника — мраморный склеп, в нём надгробная плита над могилой поэта. Склеп украшен прекрасными барельефами. Этот памятник построен на народные средства. Недалеко от памятника небольшое двухэтажное здание — музей Фирдоуси. Здесь собраны его рукописи, портреты, иллюстрации к его произведениям, написанные лучшими художниками мира, оружие, принадлежавшее лично поэту, и другие предметы.

Приходилось нам наблюдать и старинные обычаи, которые, вопреки усилиям передового Ирана, ещё сохранились. В городе Гаргане, проходя по базару, мы увидели быстро движущуюся процессию с пением и криками. Мы отошли в сторону. Мимо нас группа участников процессии

на вытянутых руках пронесла на носилках безжизненное, окровавленное тело. Нам объяснили, что это несут человека, убившего себя по ритуалу шахсей-вахсей и потому ставшего святым.

В Мешхеде — древнейшем городе Ирана — мы посетили знаменитую старинную мечеть, куда стекаются паломники со всей страны, со всего мусульманского мира. Мечеть эта исключительной красоты. Она снаружи вся из бирюзовой мозаики, а внутри из зеркальной мозаики. Мы вошли в мечеть, снявши обувь, как требуется по обычаю. Каждый, кто побывал в этой мечети, может прибавить к своей фамилии частицу «мешехи».

После трёхнедельной поездки по Северному Ирану мы вернулись в Тегеран, чтобы оттуда поехать на юг Ирана — к Персидскому заливу.

Снова полёт. Летели на очень большой высоте, два с половиной часа. Дышать было очень трудно. Приземлились в Абадане. Жара была нестерпимая. Чтобы спастись от жары, мы укутывались в смоченные водой простыни и направляли на себя воздушные струи вентиляторов. Но это плохо помогало: вентиляторы обдавали нас жаркой волной раскалённого воздуха. В Абадане прекрасные пальмовые леса. Я срывала финики прямо с пальм.

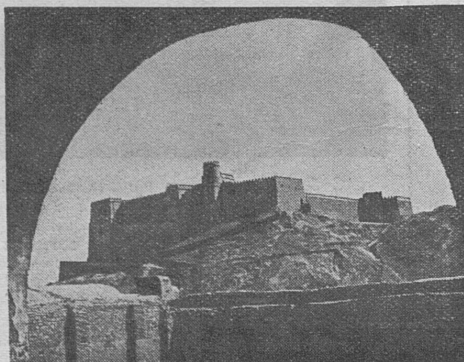
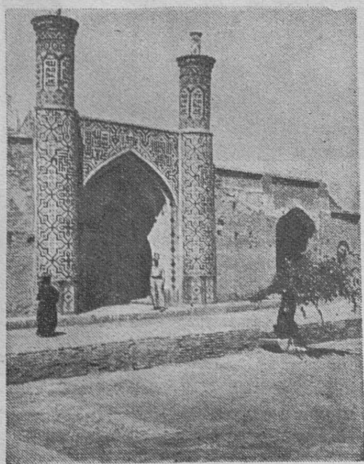
В Абадане и по всему побережью Персидского залива мы дали много концертов, обслужив советские, американские и английские войска. Американцы и англичане восторженно воспринимали русскую музыку, танцы и песни. Чайковский, Римский-Корсаков, Мусоргский, Глинка, песни советских композиторов, славянские пляски — украинские, русские — пользовались совершенно исключительным успехом у американских и английских солдат и офицеров.

Пересекши реки Тигр и Евфрат в месте их слияния, мы приехали в Ирак — в город Басру. Басра — восточная Венеция. Весь город испещрён каналами, по которым снуют гондолы. Базар Басры, населённый арабами, особенно экзотичен. Мелькают пёстрые чалмы и плащи арабов. Вот проходит арабский принц, одетый необычайно театрально и оригинально: ослепительно белый плащ, чалма с обручем наподобие змеи и... американские ботинки.

Последнее наше выступление было у персидского шаха. Молодой шах Ирана и очень красивая шахиня очень тепло встречали исполнителей, аплодировали нам и по окончании концерта, прошедшего с большим подъёмом, в очень лестных выражениях отзывались о советском искусстве.

Суламифь Мессерер.

Виды Ирана (слева направо): 1. Вход в старинную мечеть в городе Мешхеде. 2. Древняя иранская крепость. 3. Сбор фиников в пальмовом лесу.

НЕРУШИМАЯ ДРУЖБА

К. Шильдкрет

Рассказ

Рисунок Н. Кузьмина

Враги неуклонно продвигались вперёд.

Но что за наваждение! Куда исчезли отмеченные на карте деревни, сёла и целые города Белоруссии? Где хлеб, провиант, габуны лошадей и стада рогатой скотины, о которых так много трубили разведчики? Куда подевалось всё это?..

Зсоду, на многие вёрсты вокруг, лишь мёртвая, дотла выжженная пустыня и глеч разрушения, а впереди толяжающие зарницы пожаров.

С каждым часом становилось яснее, что завоёванный Карлом XII край оборачивается для «победителей» смертельным капканом.

Надо было горючиться, как можно скорее найти какой-либо выход. А куда пойдёшь, когда на всех дорогах завалы, засеки, когда в лесах подстерегают погубительные болота и на каждом шагу тревожат крестьяне!

Прусский лейтенант Зильтман, состоявший в качестве атташе при главной шведской квартире, содрогался от ненависти и возмущения.

— Доннер-веттер! — задыхаясь, кричал он. — Я говорил, что им верить нельзя! Я говорил, что они непохожи ни на какие другие народы мира! Какая же это война, когда каждый крестьянин, каждая женщина ежеминутно готовят вам смерть!

— Странно... очень странно... — рассерженно твердил слушавший его генерал Лагеркрон. — Я совсем не этого ждал здесь. Я был уверен, что литвины, белорусы и украинцы будут встречать нас как освободителей. Кто же не знает, что у них с Москвитин вечные неразрешимые споры? И вдруг... вдруг... Что же это такое? Они разрушают дороги. Они зарывают хлеб в землю... Они толпами убегают в леса и дерутся с нами, как настоящие воины... Не понимаю!

Круглое лицо Зильтмана перекошилось:

— Зато я понимаю! Уж кто-кто, а мы, германцы, имели достаточно времени, чтобы их изучить!.. Ведь это не просто люди!.. Нет, нет! Это прежде всего сла-ва-не! Им отлично знакомо слово «умереть», но они совсем не знают слова «смириться». У-у, подлое, презренное племя!

— Что же вы предлагаете? — нахмурился генерал.

— Уничтожать! Только так можно их покорить!

Издадала вдруг донёсся топот копыт.

Вскоре генералу донесли, что разведчики поймали крестьянина, пробиравшегося к себе в деревню, с возвращением от русского войска.

Зильтман вступился и сразу как бы повеселел:

— Позвольте мне допросить!

— Прощу, господин лейтенант.

На полянке, окружённый кономом, стоял какой-то человек. Он был невысокого роста и до чрезвычайности худ. Невинный взгляд серых глаз, каждая чёрточка его маленького, подвижного лица выражала такую простодушную, почти детскую кротость, что густая, буйная борода на нём казалась до смешного неожиданной, как бы нарочно приклеенной.

В десятке шагов неистово выла и огибалась на солдат лохматая, вся в репьях, дворянка.

Одному из конвойных в конце концов надоел вой — он выхватил пистоль и прицелился в собаку.

— Не смеет! — крикнул подоспевший Зильтман. — Рассупитесь! Эта собака нам ещё пригодится!

Дворянка недоверчиво огляделась по сторонам, обнюхала воздух и, разразившись внезапно счастливым визгом, бросилась к пленнику под ноги.

— Узнала, — ехидненно ухмыльнулся лейтенант. — Твоя собака?

В первое мгновение пленник хотел

было огрести от пса, но тут же сообразил, что это послужит ему только во вред, и расплылся в сердечной улыбке:

— Моя... Хлопчики мои её на картофельном поле когда-то нашли.

— Откуда идёшь?

— К куму ходил. Кум тут у меня...

— Кум? Хе-хе-хе! Учёный кум, листы пишет народу.

— Помилуйте, господин офицер!

Мы тёмные люди... Зачем нам листы!

Зильтман. — Говорите, где находится русское войско.

Крестьяне ещё ниже свесили головы и не отвечали.

Только один с отвращением кивнул в сторону пленника:

— Спросите у Григория Жеркевича. Он, может, знает... Иуда!

Незаслуженное тяжкое оскорбление ошеломило Григория:

— Не я! Вот святой крест, не я, а Бульба их сюда привел!

— Молчи! — взревел Зильтман и,

Зильтман взял у одного из солдат перепачканный грязью листок.

Я в лесу нашёл... Вон там, за болотом...

Зильтман взял у одного из солдат листок и довольно бойко начал читать:

«Братьям белорусам и всем добрым славянам. Великое испытание ниспослал вам господь. Лютой ворог топчет родные ваши сёла, пажити, нивы. Он чаёт завладеть вашей землёй, а вас содейть своими холоцами. А не дадимся ему! Костями ляжем за нашу честь!.. Укрывайте хлеб в ямах, угоняйте скотину в леса, уничтожайте на дорогах засеки, жгите дома свои. Краше огню всё предать, нежели оставить врагу на расхищение... А из вас, которые к службе годны, станюжитесь, кто с ружьём и с копьями, кто с дрекольем, а кто с ухватом и вилами, для супротивления неприятелю...»

— Слышал, что здесь написано?

— Слышал, господин офицер. Дурней ишут! Подбивают, значит, нас добро своё жечь. Нет, несогласны.

Поняв, что добром ничего не добиться от пленника, лейтенант приказал седлать коней.

— Бульба, домой! — крикнул он и хлестнул плетью лошадь, к которой привязали крестьянина.

Собака оглушительно завизжала и понеслась вперёд.

Вскоре она примчалась к околице. Застынувших врасплох крестьян согнали на церковную площадь. Они сбились тесной толпой и угрюмо молчали.

— Ну, говорите! — начал спокойно

Зильтман. — Говорите, где находится русское войско.

Крестьяне ещё ниже свесили головы и не отвечали.

Только один с отвращением кивнул в сторону пленника:

— Спросите у Григория Жеркевича. Он, может, знает... Иуда!

Незаслуженное тяжкое оскорбление ошеломило Григория:

— Не я! Вот святой крест, не я, а Бульба их сюда привел!

— Молчи! — взревел Зильтман и,

Зильтман взял у одного из солдат перепачканный грязью листок.

Я в лесу нашёл... Вон там, за болотом...

Зильтман взял у одного из солдат листок и довольно бойко начал читать:

«Братьям белорусам и всем добрым славянам. Великое испытание ниспослал вам господь. Лютой ворог топчет родные ваши сёла, пажити, нивы. Он чаёт завладеть вашей землёй, а вас содейть своими холоцами. А не дадимся ему! Костями ляжем за нашу честь!.. Укрывайте хлеб в ямах, угоняйте скотину в леса, уничтожайте на дорогах засеки, жгите дома свои. Краше огню всё предать, нежели оставить врагу на расхищение... А из вас, которые к службе годны, станюжитесь, кто с ружьём и с копьями, кто с дрекольем, а кто с ухватом и вилами, для супротивления неприятелю...»

— Слышал, что здесь написано?

— Слышал, господин офицер. Дурней ишут! Подбивают, значит, нас добро своё жечь. Нет, несогласны.

Поняв, что добром ничего не добиться от пленника, лейтенант приказал седлать коней.

— Бульба, домой! — крикнул он и хлестнул плетью лошадь, к которой привязали крестьянина.

Собака оглушительно завизжала и понеслась вперёд.

Вскоре она примчалась к околице. Застынувших врасплох крестьян согнали на церковную площадь. Они сбились тесной толпой и угрюмо молчали.

— Ну, говорите! — начал спокойно

Зильтман. — Говорите, где находится русское войско.

Крестьяне ещё ниже свесили головы и не отвечали.

Только один с отвращением кивнул в сторону пленника:

— Спросите у Григория Жеркевича. Он, может, знает... Иуда!

Незаслуженное тяжкое оскорбление ошеломило Григория:

— Не я! Вот святой крест, не я, а Бульба их сюда привел!

— Молчи! — взревел Зильтман и,

Зильтман взял у одного из солдат перепачканный грязью листок.

Я в лесу нашёл... Вон там, за болотом...

Зильтман взял у одного из солдат листок и довольно бойко начал читать:

«Братьям белорусам и всем добрым славянам. Великое испытание ниспослал вам господь. Лютой ворог топчет родные ваши сёла, пажити, нивы. Он чаёт завладеть вашей землёй, а вас содейть своими холоцами. А не дадимся ему! Костями ляжем за нашу честь!.. Укрывайте хлеб в ямах, угоняйте скотину в леса, уничтожайте на дорогах засеки, жгите дома свои. Краше огню всё предать, нежели оставить врагу на расхищение... А из вас, которые к службе годны, станюжитесь, кто с ружьём и с копьями, кто с дрекольем, а кто с ухватом и вилами, для супротивления неприятелю...»

— Слышал, что здесь написано?

— Слышал, господин офицер. Дурней ишут! Подбивают, значит, нас добро своё жечь. Нет, несогласны.

Поняв, что добром ничего не добиться от пленника, лейтенант приказал седлать коней.

— Бульба, домой! — крикнул он и хлестнул плетью лошадь, к которой привязали крестьянина.

Собака оглушительно завизжала и понеслась вперёд.

Вскоре она примчалась к околице. Застынувших врасплох крестьян согнали на церковную площадь. Они сбились тесной толпой и угрюмо молчали.

— Ну, говорите! — начал спокойно

Зильтман. — Говорите, где находится русское войско.

Крестьяне ещё ниже свесили головы и не отвечали.

Только один с отвращением кивнул в сторону пленника:

— Спросите у Григория Жеркевича. Он, может, знает... Иуда!

Незаслуженное тяжкое оскорбление ошеломило Григория:

— Не я! Вот святой крест, не я, а Бульба их сюда привел!

— Молчи! — взревел Зильтман и,

Зильтман взял у одного из солдат перепачканный грязью листок.

Я в лесу нашёл... Вон там, за болотом...

Зильтман взял у одного из солдат листок и довольно бойко начал читать:

«Братьям белорусам и всем добрым славянам. Великое испытание ниспослал вам господь. Лютой ворог топчет родные ваши сёла, пажити, нивы. Он чаёт завладеть вашей землёй, а вас содейть своими холоцами. А не дадимся ему! Костями ляжем за нашу честь!.. Укрывайте хлеб в ямах, угоняйте скотину в леса, уничтожайте на дорогах засеки, жгите дома свои. Краше огню всё предать, нежели оставить врагу на расхищение... А из вас, которые к службе годны, станюжитесь, кто с ружьём и с копьями, кто с дрекольем, а кто с ухватом и вилами, для супротивления неприятелю...»

че к чему бы приводил он их в такие места, где не ожидавшие появления врагов крестьяне не успевали угнать скот и зарыть в землю хлеб? Это ли не было лучшим доказательством искренности Григория?

— Ничего, ничего, — обратился как-то Лагеркрон к Зильтману. — Пусть мужик ещё немного покормит моих солдат. Ведь они уже больше месяца не видели хлеба.

Зильтман самодовольно провёл пальцами по загнутым в стрелочки усикам.

— Но всё-таки завтра утром, как только он вернётся с мельницы, пусть ведёт нас на Стародуб. Пора.

Вечерело. Над болотом клубился туман. Зильтман поёжился и затормозился к себе в палатку. У самого входа он столкнулся с каким-то человеком.

— Честь имею явиться! Я трубач Каспар.

— Уже с мельницы? — встревоженно спросил Зильтман.

— Жеркевич нас обманул, господин лейтенант! На мельнице наших поджидала засада... Нас окружили. Все убиты. Один я успел спастись.

3

Было раннее утро, когда Жеркевич во главе партизанского отряда добрался к полковнику Яковлеву:

— Чуть не попался! Ей богу!.. Но всё сделано, как вы приказали.

— Ой ли?

— Эге ж! — победоносно тряхнул головой какой-то седоусый украинец. — Грыцко их в такое болото завёл, что будите ласковы. Увидели они Стародуб! Как же!

— Что? Стародуб? — всполошился полковник.

— Стародуб, он самый, — скромно подтвердил Жеркевич. — Спрашивали дорогу до Стародуба. А король ихний, слышал я, через реку Сожу переправляется.

— Так, так! — вглядываясь в глаза Жеркевича, потирал руки полковник. — Да ты ко мне зайдя. Иди, иди, гостюшка дорогой.

Жеркевич недоумённо поглядывал на полковника: ведь все делают то же самое. Разве не литвин Шахевич завёл в Разурские болота три неприятельских колонны? Разве не украинец Голованенко проведаль, что враги стоят под Воркоболовским монастырём, делают на Днепре плоты и хотят наводить мосты? И разве не русский отряд из войск царя Петра собирает вокруг себя великую силу из белоруссов, литвинов и украинцев?

— Говори, браток. Говори всё, что проведаль.

— Ничего не проведаль. Только и знаю, что король с войском до Украинны идёт в черкасские города. А готом хочет к Полтаве добратись... В четверг пять тысяч конных отправились... Да! Вспомнил ещё: против Кричеа на реке Соже сделали мост... ..Ночью русское войско выступило в поход.

Врагам так и не удалось осуществить замысел, который слишком дорого обошёлся бы для России: Почеп, Стародуб и Новгород-Северский были заняты русскими прежде, чем к ним подошли войска Карла XII. Путь через Брянск на Москву был неприятелю преграждён...

А тем временем царь Пётр создал особый отряд для разгрома двигавшегося на помощь попавшему в ловушку Карлу XII корпуса Лёвенгаупта.

Впереди отряда шли крестьяне. Вместе с ними неумоимо шагал полный ненависти к врагу и веры в победу белорусский крестьянин Григорий Жеркевич...

Это происходило глубокой осенью 1708 года.

БОИ В НОРМАНДИИ

В тылу у немцев. Английский авиадесант, только что переброшенный через пролив.
На заднем фоне: планер, доставивший авиадесантников.

Группа немцев, захваченных в плен англичанами.

Снимки переданы по бильду из Лондона

Смотр советского шахматного мастерства

Семнадцать сильнейших шахматистов нашей страны съехались в Москву для участия в розыгрыше шахматного первенства СССР. Победители Московского, Бакинского и Омского полуфинальных турниров участвуют в этом крупнейшем шахматном соревновании военного времени. Это — гроссмейстеры СССР Котов, Лилиенталь, Флор; заслуженный мастер спорта Макогонов; мастера Алаторцев, Болеславский, Бронштейн, Вересов, Лисицын, Микенас, Равинский, Рагозин, Сокольский, Толуш и Хавин. Кроме них в турнире участвовали приглашённые персонально: абсолютный чемпион 1941 года Михаил Ботвинник и двадцатидвухлетний чемпион Москвы гроссмейстер Василий Смыслов.

Блестящий смотр советского шахматного мастерства — большой праздник советского шахматного искусства!

Первое место завоевал Ботвинник, закончив турнир с блестящим результатом: он выиграл 12½ очков из 16 возможных. Ему присвоено звание чемпиона СССР по шахматам на 1944 год.

На втором месте оказался гроссмейстер Смыслов: он имеет 10½ очков. Дальнейшие призовые места распределены так: третье место — мастер Болеславский — 10, четвёртое — гроссмейстер Флор — 9½, пятое и шестое разделили заслуженный мастер спорта Макогонов и литовский мастер Микенас.

Далее следуют: мастер Толуш — 8½ очков, гроссмейстер Лилиенталь и мастера Вересов и Сокольский — они имеют по 7½ очков, гроссмейстер Котов и мастера Лисицын, Рагозин и Хавин — все они имеют по 7 очков, мастер Бронштейн — 6½, Алаторцев — 5½ и мастер Равинский — 4½ очка.

Первые шесть победителей турнира награждены Всесоюзным комитетом по делам физкультуры и спорта ценными призами.

Специальный приз за наилучший результат против шести призёров получит гроссмейстер Лилиенталь. Приз за лучший результат в последних пяти турах разделили мастера Рагозин и Толуш.

Так закончилось это интересное соревнование.

Н. Зубарев

Гроссмейстер СССР
М. БОТВИННИК.

Гроссмейстер СССР
В. СМЫСЛОВ.

Чемпион УССР мастер
И. БОЛЕСЛАВСКИЙ.

Гроссмейстер СССР
С. ФЛОР.

Гроссмейстер СССР
А. ЛИЛИЕНТАЛЬ.

Мастер
Г. ЛИСИЦЫН.

Мастер
А. ХАВИН.

Гроссмейстер СССР
КОТОВ.

«АКР-7»

С середины XIX века зубные протезы делаются из каучука. Но каучук обладает пористостью и всасывает остатки пищи, которые подвергаются брожению и гниению. В составе каучука вследствие вулканизации образуется сероводород, раздражающий слизистую оболочку. Из каучука почти невозможно сделать протезы, точно соответствующие цвету слизистой оболочки. Но самое главное: каучук — несовершенный материал для аппаратов, употребляющихся при пластических операциях.

Наши научно-исследовательские институты давно искали новый материал, равный каучуку по пластическим свойствам и отвечающий всем запросам современной стоматологии.

Когда в Центральном институте травматологии и ортопедии (директор — профессор Приоров) смотришь на фотографии больных до пластической операции и после неё, приходишь в изумление. Вот, например, рабочий таможи Ж. У него были травмированы верхние передние зубы (в стоматологии это называется обратным прикусом). Ж. не только не мог жевать пищу передними зубами — у него была затруднена речь и лицо его было искажено.

Этот же человек после протезирования грызёт передними зубами сухарь,

НАУКА И ТЕХНИКА

очень приятно говорит и выглядит хорошо.

Старший лейтенант Ф. был ранен на фронте в верхнюю челюсть и не смог пройти нужного курса лечения, потому что заболел воспалением лёгких. Переломанные кости челюсти неправильно срослись. Командир принимал пищу только в жидком виде. В Институте ему сделали специальный «капповый аппарат», который надели на уцелевшие зубы. Благодаря этому закрылась щель между зубами, образовавшаяся в результате неправильного сращения челюстных костей. Командир Ф. сам рассказывает про это, сверкая великолепными зубами, которые с трудом отличишь от естественных.

Что же это за материал, который дал возможность нашим хирургам и протезистам производить сложнейшие операции в полости рта? Это «АКР-7» — пластмасса, принадлежащая к группе акриловых смол. «АКР-7» безвреден для человеческого организма, не осаждаёт и не разлагает остатки пищи в полости рта. Он превосходно присасывается к мягким тканям и легко подгоняется под цвет слизистой оболочки.

Пластмассу «АКР-7» разработали совместно с Научно-исследовательским институтом «Пластмасс» сотрудники Центрального ин-

ститута травматологии и ортопедии (профессор Бынин, доктора: Ревзин, Копп, Манукян, Марский).

Из «АКР-7» делают зубные протезы, искусственные зубы, коронки и вставки, сберегая дорогостоящие металлы и фарфор.

КЛЕЙ ПРОФЕССОРА НАЗАРОВА

Сборка измерительных приборов — хлопотливое дело: множество деталей приходится укреплять мельчайшими винтами, гайками. Новый клей, изобретённый лауреатом Сталинской премии профессором И. Н. Назаровым в Институте органической химии Академии наук СССР, упрощает дело.

Карбинольный клей профессора Назарова соединяет любые материалы — однородные и неоднородные. Можно, например, приклеить металлическую ручку к входной двери — она не оторвётся, даже если к ней привязать лошадь...

Прочнее всего склеивается сталь: место соединения выдерживает нагрузку в 200—300 килограммов на квадратный сантиметр. Стальной прут немного толще карандаша, склеенный карбинольным клеем, смело выдержит 3—4 человека.

СВЕЧЕНИЕ ТЕЛА

Если ладонь в течение десяти секунд освещать электрической дугой, горячей в парах ртути и аргона, то потом в полной темноте ладонь светится от 2 до 4 секунд. Светятся и другие части тела. Ногти «гаснут» спустя 10 секунд после облучения, но дольше всего фосфоресцируют человеческие зубы.

Светятся и препарированные трупы — кости, связки, ногти, зубы, — причём оттенок свечения у них разный. Свечение возбуждают не только специальные источники ультрафиолетовых лучей: его можно наблюдать и после освещения тела любой сильной лампой или даже солнечными лучами.

Свечение тела отнюдь не является для учёных, наблюдающих его, просто любопытным фактом. Сейчас они стараются установить связь между этим явлением и состоянием некоторых внутренних органов, определить, как влияют на свечение различные лекарственные вещества. Оценка свечения производится не глазом, а точнейшими приборами, определяющими каждое изменение как в интенсивности свечения, так и в оттенке.

Инженер А. Морозов

СПОРТ

ПОБЕДА ФУТБОЛИСТОВ «СПАРТАКА»

Москвичи отлично помнят изумительную игру Леонова в некогда знаменитой команде «Трёхгорка». Леонов был низкого роста, коренастый футболист, без акробатической гибкости и виртуозных прыжков. Но чутьё у него было поразительное: он всегда находился в том квадрате ворот, куда начинал полёт хитрый футбольный мяч. Нельзя позабыть и Николая Соколова — «Евграфыча», как называли его все футболисты, — вратаря команды «СКЗ» (Спортивный кружок Замоскворечья), за его изумительные по красоте и точности броски на мяч. Анатолий Акимов славился своей кошачьей изворотливостью. Его напарник по «Спартак» Жмельков за одно лето отразил 11 «пенальти». Этих московских знаменитых вратарей вспомнили зрители, восхищаясь искусством Леонтьева на 41-м матче «Спартак» — «Динамо».

Матчу предшествовала 20-летняя футбольная «ссора» между двумя самыми популярными спортивными клубами. Восемнадцать раз выходили победителями динамовцы, двенадцать раз оканчивали в свою пользу встречу спартаковцы. Десять матчей закончились ничью. По три раза они

СПОРТИВНЫЙ СЕЗОН В ЛЕНИНГРАДЕ. На снимке: старт забега на 60 метров для женщин спортивного общества «Динамо».

Фото В. Федосеева (ТАСС)

были чемпионами страны, по два раза выигрывали финальный матч на «Кубок СССР», завоевали четырнадцать московских первенств.

Жажда реванша за три прошлогодних матча, проигранных сухим счётом, жгла сердца спартаковцев и семнадцати тысяч болельщиков — половины зрителей, присутствовавших на стадионе «Сталинец».

Завязали игру спартаковские форварды. Но, развив наступление, динамовцы вскоре перехватили инициативу. На ворота «Спартак»

волнами пошли атаки. Тогда заработала знаменитая защита «красных» — два однофамильца Соколова и вратарь Леонтьев.

На ворота «Спартак» сыпались мячи. Леонтьев брал всякие удары — пушечные и с навесом, длинные и короткие, прямые и косые, низовые и высокие, звучные и «шептуны», в оба верхних угла и кегельбанные, с боку и в лоб; брал, хватал, отбивал с любого положения. Взлетал над головами игроков и нырял в ноги, снимая мяч, вот-вот готовый пулей влететь в ворота. Ловил подлачу с корнера и выгребал мяч из кучи игроков, как

кошка лапой клубок шерсти. Бил по мячу наотмашь и ударял ногой. Стоял, пригибался, падал, распластывался, приседал, выпирался или ждал, скорчившись, готовый к прыжку в четырёх направлениях. Мяч, как одержимый, стремился в открытую пасть ворот, но не мог пробить крепкий заслон.

Сорока пяти минутный штурм динамовцев был отбит.

В перерыве матча пришёл в действие заочный поединок прославленных тренеров — Л. Корчебокова и К. Квашнина. Обоим только что были вручены тренерские пор-

фель. Корчебоков сделал беками форварда Семичасного и хава Бехтенева. В резерве у Квашнина был молодой Смыслов. Им он заменил Семёнова и выпустил на поле пятёрку нападения: Смыслов, Климова, Алексея Соколова, Конова и Глазкова, — перетасовав их места, которые они занимали в первом тайме.

Стратегия Квашнина оказалась верной и удачной. Нападение динамовцев было блокировано форвардами «Спартак». Атаки стали встречными, игра выровнялась. На поле определилась стойкая «ничья». Так бы и должен был закончиться матч, если бы не случай, решивший острую, напряжённую игру в пользу «Спартак».

Смыслов, Глазков и Климов с полполя повели мяч. Они кидали кожаное ядро друг другу в ноги, прорвали три линии противника и вплотную подошли к воротам. Ударил Смыслов. Вратарь динамовцев Медведев отбил мяч ударом ноги. Провёл Глазков — снова неудача. Тогда мяч в сетку забил Климов.

Команда «Спартак» одержала тринадцатую победу. Искусный вратарь Леонтьев вновь показал в этой схватке высокий класс игры.

Платон Ипполитов, заслуженный мастер спорта СССР.

СТО ЛЕТ НАЗАД

(По страницам газет и журналов за 1844 год)

* 18 мая происходило голичное собрание Акционеров общества Освещения Гасом С.-Петербурга.

В течение последнего года прибавилось 164 городских газовых фонаря и частное освещение увеличилось 119-ю абонементами. Всего же вообще ежедневно зажигалось в городе 4550 рожков, или 11.440 огней.

Суровость зимы не останавливала освещения. Этот единственный в своём роде опыт для одного свидетельствует о совершенной возможности употребления газового освещения в нашем климате.

Надобно надеяться, что предприятие сие, в существе своём столь полезное, достигнет в дальнейшем развитии своём самых благоприятных последствий» («Северная пчела» № 130).

* * * «На днях вышла 28 книжка Военного Энциклопедического Лексикона, в которой лучшие статьи суть: Крюйс, Кук, Кулачный бой, Куликово поле, Кульм, Кульнев, Кунерсдорф, Куортань, Курбские, Курляндия, Курск и Курская Губерния, Кутра, Кутузовы.

К сей книжке приложены два чертежа к статье «Корабль» и планы сражений под Красным и Кульмом.

Этою книжкою оканчивается VII том Военного Энциклопедического Лексикона.

Преступлено к печатанию VIII тома, который будет содержать в себе статьи на буквы «Л» и «М» («Северная пчела» № 113).

* * * «Ламповому фабриканту Гаевскому выдана шестилетняя привилегия на введение в России лампы особого устройства, под названием солнечной» («Московские ведомости» № 31).

Известно ли вам...

...что первая русская коммерческая арифметика была напечатана в 1682 году в Москве? Она носила название «Считание удобное, которым всякий человек, купующий или продающий зело удобно изыскати может число всякие вещи; а како число вещей и вещам цены изыскивати, и о том читая к предисловию к читателю совершенно познаети».

...что самой первой печатной русской книгой является «Учебная Псалтырь»? Она была напечатана в 1517 году.

...что первая русская азбука была напечатана в 1596 году в Вильне в «Друкарне в дому Мамоничев» (в типографии в доме Мамоничей) и называлась «Наука ку читанию и разумению писма Словенского»? В азбуке помещены склады, молитвы, объяснения разных слов.

...что первый русский учебник географии был напечатан в Москве в 1718 году?

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД

(По страницам газет и журналов за 1894 год)

«В колонном зале Благородного собрания состоялось третье и последнее собрание IX съезда естествоиспытателей.

Подводя итоги оканчивающемуся съезду, проф. Тимирязев сослался на общее мнение участников его о том, что съезд прошёл весьма успешно и оставит во всех самое доброе воспоминание.

На собрании присутствовал Лев Николаевич Толстой. Появление его на эстраде, перед началом второй половины заседания, вызвало овацию по его адресу» («Новости дня» № 3798).

* * * «На первой всероссийской выставке печатного дела (в Петербурге) появятся печатные станки Петра Великого и Наполеона I. Кроме этих любопытных экспонатов, ожидается печатный пресс Екатерины Великой. Этот пресс хранится в Императорской академии художеств.

Экспонаты Художественного отдела будут расположены в двух группах: первая группа — оригиналы художественных работ и их воспроизведение при помощи тиснения; вторая — различный художественный материал для печатания и для переплётного дела» («Театральные известия» № 26).

* * * «Со станции Александров, Московско-Ярославской железной дороги, был отправлен пробный поезд, освещённый электричеством. Поезд состоял из четырёх вагонов III класса, одного вагона I класса и одного вагона II класса. Опыт удался как нельзя лучше» («Новости дня» № 3799).

* * * «В ночь на 2 июня скоропостижно скончался в г. Нежице известный художник Николай Николаевич Ге, профессор исторической и портретной живописи» («Нива» № 29).

Отв. редактор — М. ДОБРЫНИН.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

А 5205.

2½ печ. л.

Подписано к печати 6/VI—44 г. Изд. № 435.

Тираж 100.000.

Заказ № 1414.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

д лекцией мастера СССР

Зубарёва

ПАРТИЯ № 14

рана в финале первенства СССР

ИСПАНСКАЯ

ыслов Рагозин

белые) (чёрные)

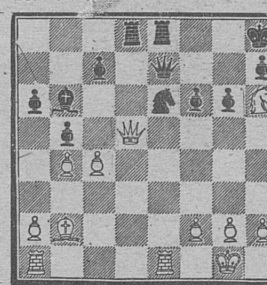
e2—e4 e7—e5
Kf1—f3 Kb8—c6
Cf1—b5 a7—b6
Cb5—a4 Kg8—f6
0—0 Kf6:e4
d2—d4 b7—b5
Ca4—b3 d7—d5
d4:e5 Qc8—e6
e2—c3 Cf8—c5
Kb1—d2 0—0
Cb3—c2 Ke4:d2
Fdl:d2 Kc6—e7
b2—b4 Cc5—b6
Kf3—g5 Ce6—f5
Cc2:f5 Ke7:f5
Fd2—d3 g7—g6

Весь этот порядок ходов давно известен. Здесь автор рекомендует продолжить: 17. Фh3, h5; 18. Л:с6; 19. Кe4 с хорошей игрой по чёрным полям на королевском фланге. По последним исследованиям этого варианта у чёрных есть здесь интересная возможность жертвы ферзя продолжением 19. ...de1, Л:d8, Ла:d8 и т. д. с такой игрой для чёрных. Возможно, что чёрные как и предполагали использовать это продолжение. Но мысленно избрал другой ход:

17. e5—e6! f7—f6
18. Kg5—f7 Fd8—e7
19. Фd3:d5 Lf8—e8
Расчёт чёрных заключается в том, чтобы отыграть пешку e6 и уравнять игру.
20. Лf1—e1 Kf5—g7
21. Kf7—h6+

Белые не могут прямым способом защитить пешку. Однако они этим шагом ставят интересную ловушку, в которую чёрные и попадают.

21. ... Kpg8—h8?
На это и рассчитывали белые. Следовало играть 21. ...Kpf8.
22. Ccl—b2! Kg7:e6
23. c3—c4
Угрожая решить партию ходом 24. Kc4.

24. Le1:e6!
Изысканная комбинация, выигрывающая фигуру.
24. ... Fe7:e6
25. Fd5:e6 Le8:e6
26. Kh6—f7+
Теперь видно, почему следовало на 21-м ходу сыграть Kpf8.
26. ... Kph8—g7
27. Kf7:d8 и чёрные, имея фигурой меньше, вскоре сдались.

ОХОТА С ПЛЕТЬЮ

Лютым врагом скотоводы-казахи считают серого степного волка. Немало овец, ягнят и жеребят гибнет от острых зубов хищников. Степные охотники стараются при всякой возможности свести счёты с волком. Заткнув за пояс длинную плетью — «камчу» — с зашитой на конце пудей, они садятся на своих, не знаящих усталости лошадей и выезжают в степь.

Настигнув волка, охотник старается обскákat его с левой стороны, и вот, со свистом рассекая воздух, падает первый удар плети на спину зверя. Один наездник сменяет другого. Удары сыплются градом. Шкура волка иссечена; он ошалело мечется, не в силах уйти от преследователей. Его кружат по степи. Разъярённый, истекающий кровью волк бросается на скачущую рядом с ним лошадь. Охотник хорошо знает эту повадку затаившегося зверя, стережёт этот момент и встречает нападение волка последним ударом плети.

СКОЛЬКО ЛЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ?

Этот вопрос не перестаёт интересоваться учёных. Американские учёные на основа-

нии данных, полученных во время раскопок в окрестностях Багдада, утверждают, что человек появился в Месопотамии около миллиона лет назад.

Первобытный человек жил в условиях мягкого климата и скоро достиг довольно высокой степени культуры. Так проходили тысячелетия, пока не наступила эра великого движения льдов. Четыре последних ледниковых периода, сильно сократив население земного шара, загноили человека в пещеры и сделали его кочевником.

По мнению знаменитого геолога Антевса, меловечество началось теперь в конце четвёртого ледникового периода, который достиг максимума 15 тысяч лет назад. 12 тысяч лет назад лёд начал отступать из Центральной Европы на север. Началом новой истории человечества, как полагает Антевс, следует считать именно этот момент.

ВОЙНА И ПТИЦЫ

Французский зоолог Кюписсо-Корно производил в течение войны 1914—1918 годов систематические наблюдения над птицами, как реагируют они на стрельбу и канонаду. Он установил, что птицы в районе боёв обнаруживали огромное беспокойство, металась во все стороны, не зная, куда им

идти. Они жалобно кричали, пищали, чирикали, свистели, а затем внезапно исчезали.

В периоды затяжных боёв птицы улетали на юг значительно раньше отлётного времени. Во время осеннего отлёта птицы, проводившие лето севернее района военных действий, всецело старались обогнать этот район и, например, вместо Франции летели через Швейцарию и Италию. Дрозды, которые из скандинавских стран летят на юг обыкновенно через Бургундию (в восточной части Франции), во всё время войны вовсе там не показывались.

Во Фландрии и Бельгии в течение всей войны 1914—1918 годов совершенно не было видно болотной и водной птицы. В Польше исчезли галки, грачи, жаворонки, значительно меньше стало воробьёв.

КАК ДАЛЕКО ВИДИТ ЛЕТАЧКА?

Человек среднего роста, стоя на ровной местности, видит горизонт на расстоянии 2,5 километра. На высоте 30 метров над уровнем моря горизонт виден на расстоянии свыше 4,5 километра. Летчик на высоте 100 метров окидывает взором горизонт свыше 150 километров; на высоте 2000 метров горизонт открывается на 400 километров.

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» А. ШЛЫКОВИЧ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Смазка для двигателей. 4. Кухонная утварь. 7. Город в СССР. 10. Военный клич. 11. Вид полугаза. 12. Родина Одиссея. 13. Турецкий порт. 14. Один из основателей Рима. 15. Судьба. 16. Прибор для измерения глубины. 17. Стадо овец. 20. Штормовой ветер. 23. Город и курорт в СССР. 26. Поэтическое произведение. 27. Летчик высшего класса. 29. Главарь, вождь. 32. Желтая одежда. 34. Стража. 38. Музыкальный термин. 40. Одеяние лама. 41. Помещение для автоавтомобилей. 42. Герой произведения Пушкина. 43. Любимое оружие. 44. Река и город в Бельгии. 46. Термин в науке об электричестве. 48. Старинное холодное оружие. 51. Участок с плодовыми насаждениями. 53. Ловушка. 56. Число. 58. Дерево. 60. Река, на которой в XIII веке произошло большое сражение русских с татарами. 63. Центральная площадь у древних греков. 65. Конек. 68. Пшеница. 69. Приток Дона. 70. Мелкий типографский шрифт. 71. Житель Индии. 72. Подать. 73. Промышленная область в Германии. 74. Водяное растение. 75. Грусть. 76. Морской термин. 77. Приток Лены.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Лёгкое военное судно. 2. Корона. 3. Река во Франции. 4. Небольшой водопад. 5. Мера веса. 6. Знаменитый французский астроном и физик. 7. План местности. 8. Осветительный прибор. 9. Головной убор. 10. Мужское имя. 11. Напиток. 21. Голос. 22. Советский писатель. 24. Порода верблюдов. 25. Мифическое божество. 26. Река в Восточной Сибири. 28. Мусор. 29. Многоглазый великан-оборотень-символ неустанного наблюдения у древних греков. 30. Тип горца, обитавший в горах. 31. Город в Северной Африке. 33. Место действия в пьесе. 35. Озеро на Дальнем Востоке. 36. Верхняя одежда. 37. Плетя для ловли животных. 39. Подарок. 40. Небольшое судно. 45. Ничейный результат в шахматной игре. 47. Приток Волги. 49. Кушанье. 50. Судебная претензия. 51. Рыба. 52. Один из китайских князей в древней Руси. 54. Команда при стрельбе. 55. Турецкий военачальник. 57. Холодное оружие. 59. Зависимое государство или лицо. 60. Финал гитлеровской Германии. 61. Водяное растение. 62. Цветок. 64. Письменный приказ. 65. Растительный мир. 66. Население страны. 67. Пряда волос.

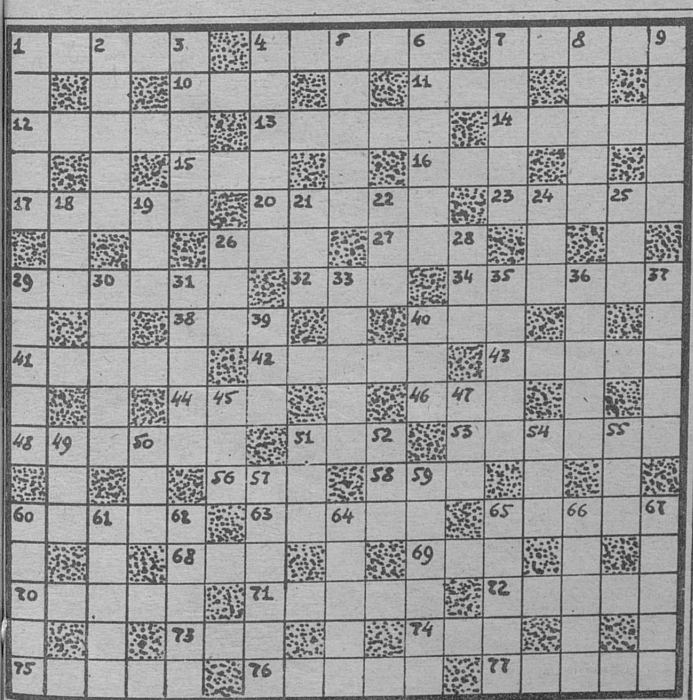
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 20—21.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

7. Микроскоп. 8. Багратион. 9. Декарт. 13. Мариз. 16. Сахара. 17. Аргамак. 18. Анапас. 19. Нора. 21. Фрам. 22. Препитствие. 23. Хорёк. 25. Антон. 26. Саванна. 28. Украина. 29. Ганза. 30. Ганго. 31. Репин. 32. Дели. 35. Миллиард. 36. Кальмар. 39. Ворон. 41. Нукус. 42. Оскорбление. 44. Корк. 46. Ялта. 48. Фемида. 49. Кожемит. 51. Кодекс. 52. Тендер. 53. Тамара. 54. Философия. 55. Враконьер.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Пигмалион. 2. Болеро. 3. Кобра. 4. Тамак. 5. Малена. 6. Коммюньон. 9. Данчак. 10. Карп. 11. Трепанг. 12. Каюта. 13. Мастика. 14. Каре. 15. Замета. 20. Архангельск. 21. Филадельфия. 24. Карабин. 25. Андигей. 27. Ахаль. 28. Улан. 32. Договор. 33. Бакелит. 34. Концепция. 35. Моекит. 37. Руалда. 38. Функулер. 40. Обрез. 42. Оран. 43. Елка. 45. Одесса. 47. Тормоз. 49. Кефир. 50. Тавро.

Цена 1 руб.

П 2

20

ОГОНЕК
УЛ. 3 ИЮЛЯ 181
ПУБЛИЧНОЙ БИБ. КЕ

НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ

Рисунок Вор. Ефимова

Прочь с советской земли, фашистская гадина!

1944 г.

П. АСТ 104-769/27